

Григорий Кружков

*двойная
флейта*

избранные
и новые стихотворения

Григорий Кружков

*двойная
флейта*

избранные
и новые стихотворения

Москва
«Воймега»
«Арт Хаус медиа»
2012

УДК 821.161.1-1 Кружков
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К84

Дизайн серии – С. Труханов

Кружков Г. М.

К84 Двойная флейта: новые и избранные стихотворения. –
М.: Воймега; Арт Хаус медиа, 2012. – 224 с.

Григорий Кружков – поэт, переводчик и эссеист, лауреат ряда литературных премий, автор многих переводных и литературоведческих книг, в том числе «Ностальгия обелисков», «Лекарство от Фортуны», «Пироскаф: Из английской поэзии XIX века» и «У. Б. Йейтс: исследования и переводы», а также нескольких сборников стихов. В эту книгу вошли его избранные и новые стихотворения.

ISBN 978-5-7640-0126-5 (Воймега)

ISBN 978-5-902976-78-3 (Арт Хаус медиа)

© Г. Кружков, текст, 2012

© С. Труханов, оформление, 2012

© С. Любаев, обложка, 2012

© «Воймега», 2012

© ООО «Арт Хаус медиа», 2012

На берегах реки Увы
(1990–1994)

* * *

Я буду помнить тебя
и в марсианском плену —
в колоннах каналорбочих,
в колодцах шахт,
угрюмо глядя
сквозь красную пелену
и смесью горючих
подземных газов
дыша.

Я буду помнить тебя
и в марсианском плену,
вращая динамо-машину,
дающую ток
какому-то Межгалактическому
Гипер-Уму,
пульсирующему,
как огромный
хищный
цветок.

На грустной земле
и в марсианском раю,
где больше мы не должны
ничего никому,
закрою глаза,
уткнусь в ладошку твою —
и этого хватит
на всю грядущую
тьму.

Песня о несчастной королеве Анне Болейн и ее верном рыцаре Томасе Уайетте

Милый Уайетт, так бывает:
Леди голову теряет,
 Рыцарь – шелковый платок.
 Мчится времени поток.

А какие видны зори
С башни Генриха в Виндзоре!
 Ястреб на забрало сел,
 Белую голубку съел.

Они-сва кималъ-и-пансы...
Государь поет романсы
 Собственного сочине...
 Посвящает их жене.

Он поет и пьет из кубка:
«Поцелуй меня, голубка».
 И тринадцать красных рож
 С государем тянут то ж:

Они-сва кималъ-и-пансы... –
И танцуют контрадансы
 Под вольночный мотив,
 Дам румяных подхватив.

А другие англичане
Варят пиво в толстом чане
 И вздыхают, говоря:
 «Ведьма глазила царя».

В темноте не дремлет стража,
Время тянется, как пряжа,
Но под утро, может быть,
Тоньше делается нить.

Взмыть бы, высоко, красиво,
Поглядеть на гладь Пролива!
Гребни белые зыбей —
Словно перья голубей.

Улетай же, сокол пленный! —
Мальчик твой мертворожденный
По родительской груди
Уж соскучился, поди...

Уолтер Рэли в темнице

Был молодым я тоже,
Помню, как пол стыдливый
Чуял и сквозь одежду:
Это — бычок бодливый.

С бешеным кто поспорит?
Знали задиры: если
Сунешься, враз пропорет,
И на рожон не лезли.

Марсу — везде дорога,
Но и досель тоскую
О галеоне, рогом
Рвущем плеву морскую.

В волнах шатался Жребий,
Скорым грозя возмездьем,
Мачта бодала в небе
Девственные созвездья.

Время мой шип сточило,
Крысы мой хлеб изгрызли,
Но с неумной силой
В голову лезут мысли.

В ярости пыхну трубкой
И за перо хватаюсь:
Этой тростинкой хрупкой
С вечностью я бодаюсь.

Тотнесская крепость

What makes Totnes Castle special
is the fact that it never saw battle.

Путеводитель говорит: «Она
ни разу не была осаждена
и потому прекрасно сохранилась».
Брожу вокруг семивековых стен,
случайный созерцатель мирных сцен,
и вижу: тут ничто не изменилось.

Лишь время явно одряхлело. Встарь
оно любую крепость, как сухарь,
могло разгрызть и развалить на части.
Зато окреп Национальный Траст:
костями ляжет он, но не отдаст
ни камня, ни зубца — зубастой пасти.

Рябина у стены, как кровь, красна:
Не спячка в городе, но тишина;
над елкою английская ворона
кружит. Что проворонил я, кума?
Венец, воздетый на главу холма, —
шутейная корона из картона.

Мужчина, не бывавший на войне,
и крепость, не пылавшая в огне,
напрасно тщатся выглядеть сурово.
Хотя у старой крепости пока
есть шанс; а у смешного старика
нет никакого.

Жизнь открывается снова

Жизнь открывается снова на тыща пятьсот девяносто третьем годе. Сэр Уолтер Роли пишет из Тауэра отчаянное письмо «От Океана к Цинтии». С воли доходят верные слухи, что сэру секир-башка, какие бы он ни примеривал роли – от пастушка до Леандра, потерявшего берег из виду. В то же время, но в другом заведении Томасу Киду очень и очень не советуют выгораживать своего дружка. И, косясь на железки, испуганный драмодел закладывает другого, а именно Кристофора Марло (тоже драмодела), который не столько сам по себе интересуется секретный отдел, сколько то, что имеет он показать об атеизме сказанного Уолтера Роли и его гнусном влиянии на умы. Той порой Марло прячется от чумы в доме Томаса Вальсингама (вот именно!) в Кенте. Что он там сочиняет в последний раз, неизвестно, но выходит ему приказ прибыть в Лондон, где ударом кинжала в глаз он убит. Потужив о двойном агенте лорда Берли и Феба, друзья дописывают последний акт «Дидоны» и историю о Леандре. Чума то уходит, то возвращается, как придурковатый слуга, и театры то открываются, то закрываются на неопределенный срок, и Шекспир, рано утром поскользнувшись на льду, едва не разбивает голову, которой пока невдомек, какими словами горбун соблазнит вдову,

но он знает, что такие слова должны найтись,
и он находит их в тот самый миг,
как летящий с Ла-Манша незримый бриз
оживляет, как куклу, уснувший бриг.

Возлюбленные поэтов

Расставание

Since I die daily, daily mourn.
John Donne

«Приди, Мадонна, озари мой мрак!» —
Влюбленных красноречье беспощадно.
Она, как лист, дрожит в его руках,
Как губка, клятвы впитывает жадно.

А Донну дорог лишь разлуки миг —
Тот миг, что рассекает мир подобно
Ланцету: он любимый видит лик
Сквозь линзу слез — так близко и подробно.

Он разжимает, как Лаокоон,
Тиски любви, узлы тоски сплетенной:
И сыплются в расщелину времен
Гробы и троны, арки и колонны.

И целый миг, угрюмо отстранен,
Перед находом риторского ража
Он, как сомнамбула иль астроном,
Не может оторваться от пейзажа

Планеты бледной. Он в уме чертит
План проповеди. «О, молчи, ни вздоха;
Не плачь — не смей!» Увы, он не щадит
В ней слабости... А между тем дуреха

Глядит, глядит, не понимая слов, —
Как будто в зеркало волны глядится —
И растворяется, как бред веков,
В струях его печальных вaledикций...

Спящая

...the blisses of her dream so pure and deep.
John Keats

Во сне она так безмятежна! Будто
Там, в этом сне, поверила кому-то,
Что будет мир ее красой спасен.
Отвеяна от ложа скорбь и смута,
Покоем и лавандой пахнет сон.

Во сне она так беззащитна! Точно
Лесной зверек бездомный, в час полночный
Уснувший на поляне в темноте,
Или птенец на веточке непрочной
В дырявом можжевелевом кусте.

Не просыпайся! Этот сон глубокий
Покрыл все недомолвки и упреки,
Как снег апрельский — слякотную муть;
Ты спишь — и спит дракон тысячеокий
Дневных забот. Как ровно дышит грудь

Под кисеей! Не все ль теперь едино —
Назвать тебя Психеей, Маделиной
Или соседкой милой? — Все равно;
Когда ты — луч, струящийся в окно,
И неумолчный шелест тополиный.

Пусть блики от витражного окна
В цвет крови или красного вина
С размаху мне забрызгают рубаху, —
Но этот воздух не подвластен страху,
И пурпура сильнее голубизна.

Позволь и мне с тобою затвориться
В сон переливчатый, как перловица:
Не смерть в нем, а избыток бытия.
Не бойся! Спи, жемчужина моя,
Нам этот сон уже навеки снится.

Танцующая девушка

How can we know the dancer
from the dance?

W. B. Yeats

Трещит цивилизации уклад,
Куда ни глянешь — трещины и щели;
Меж строчек новостей клубится ад,
И сами буквы будто озверели.
А ты танцуешь, убегая в сад,
Под музыку невидимой свирели.

Дракон, чтоб укусить себя за хвост,
Взметает пыль нелепыми прыжками;
Герои выбегают на помост,
Кривляются и дрыгают ногами.
А ты, как этот купол, полный звезд,
Кружишься — и колеблешься, как пламя.

Я помню ночь... Не ты ль меня во тьму
Вела плясать на берег, в полнолуние?
Не ты ль меня, к восторгу моему,
Безумила, жестокая плясунья?

Твоих даров тяжелую суму
Снесет ли память, старая горбунья?

О скорбь моя таинственная! Столь
Беспечная и ветренная с виду!
Какую затапцовываешь боль?
Какую ты беду или обиду
Руками хочешь развести? Позволь,
К тебе на помощь я уже не выйду.

Ты и сама справишься. Пляши,
Как пляшет семечко ольхи в полете!
Я буду лишь смотреть, как хороши
Движенья бедер в быстром развороте.
Что зренья? — Осязание души.
А осязанье — это зренья плоти,

Подслеповатой к старости. Пока
Ты пляшешь, — как плясала без покрова
Перед очами дряхлого царька
Дщерь Иудеи, — я утешен снова:
Ведь танец твой, по мненью Дурака,
С лихвою стоит головы Святого.

Песня межевого камня

1

Начинается песнь межевого камня.
Начинати же песню сию от Кадма.
На меже лежит камень, тяжел, как карма.

На меже лежит камень, на неудобье,
Между двух полей лежит, наподобье
Переводчика – или его надгробья.

На меже лежит камень, символ союза
Каннибала и Робинзона Крузо.
Слева рожь растет, справа кукуруза.

На меже лежит камень, на нем – коряво –
Буквы: влево поедешь, приедешь вправо.
Не читая, промчалась опять орава.

На меже лежит камень. Не вежа и не
Башня. Может, мираж в пустыне.
Слева косточки белые, справа дыни.

Слева поле жатвы, а справа – битвы.
Скачет князь Кончак чрез межу с ловитвы.
На меже дрожит камень, твердя молитвы.

Слева жарко, а справа роса замерзла.
На меже лежит камень. Уж в поле поздно.
И луна над сараями сушит весла.

Под лежащим камнем немного сыро.
Уронила ворона кусочек сыра.
Если все, кому дорого дело мира...

Переводчик мирен. Уж так он скроен.
Между двух полей, ни в одном не воин.
Оттого-то и зад у него раздвоен.

С виду он неподвижнее баобаба,
В землю как половецкая врос он баба.
Но внутри он — камень с небес. Кааба.

Между миром верхним и миром нижним
Он сидит на меже, непонятен ближним,
Занимаясь делом своим бульжным.

Улетай, ворона! Тут ничего нет
Для тебя; как ни каркай, он не уронит
Ни песчинки — и цели не проворонит.

Утекай, вода! В дребадан столетий
Утекай ты, пьянь, что достойна плети,
От него не дождешься ты междометий.

Ибо ты, как время, заходишь с тыла,
В тот момент, когда жизнь валуну постыла,
И копытом подкованным бьешь, кобыла!

Ну и что — отколола ли ты полкрошки?
Посмотри, что с копытом? не больно ножке?
Ах, ведь ты и ударила понарошке!

Ускакала кобыла, и ворон в поле
Улетел. Начнем помаленьку, что ли?
До свидания — всем, кто не знает роли.

...Тихо в поле. В глазницах кремневых сухо.
Зачинается песнь от Святого Духа.
Это камень поет — приложите ухо.

Republique De Ouva

Poste Aeriennne

Он мне достался, как счастливый сон!
Подарок дружественной нам вдовы,
Был с дачи, из-под Клина, привезен
Альбомчик старый с марками Увы.

Я ничего не ведал об Уве,
Я марки взял в постель — и перед сном
Смотрел на профиль горный в синеве
И самолетик с точкой под крылом.

И вдруг увидел: точка растет,
Растет — и превратилась в парашют!..
И вот уже на землю стал пилот,
И отстегнулся, и, достав лоскут

Из куртки, вытер с подбородка грязь.
Вокруг дымилась жухлая трава.
Он оглядел пейзаж не торопясь
И мне сказал: «Республика Ува

Лежит на берегах реки Увы,
Которая, увы, давно мертва,
И нет там ни халвы, ни пахлавы,
Ни славы, ни любви, ни божества.

Ни ярко разрисованных цветов,
Ни рамочки, ни зубчиков над ней,
Ни этих мощно дышащих китов,
Ни этих вольно скачущих коней.

Не слышно на деревьях райских птах,
И не гуляют розовые львы, —
Лишь зайцы ходят в шляпах и плащах
По улицам республики Увы.

Лишь, оседлав свинью или козла,
Гарцуют всадники без головы —
Свидетели неведомого зла —
По улицам республики Увы.

Лишь во дворце харит и аонид,
За хвост подвешенная к потолку,
Селедка крутобедрая висит
И каждый час кричит свое «ку-ку».

Он сплюнул и сказал: «Я все сказал.
Отдай же брату младшему альбом!»
И вдаль побрел, и вскоре точкой стал,
Исчезнувшей на фоне голубом.

Сгустилась постепенно синева
И проступили звезды над тропой, —
Когда с холма спустились три волхва
И каждый вел верблюда за собой.

* * *

Все то, что мы выдыхаем в холодный день:
комочки снов, туманные струйки обид,
и те пузыри, которыми дышит земля,

и дым из труб, и пар незастывшей реки,
и облако над лоханью, в которой отмыть
упорно стараются черного кобеля,

и серый дым, и пар нефтяной реки,
и наши вздохи, и утренние зевки,
и все боязливо-беспомощные слова —

уходят вверх — и, пройдя через семь небес
и семь золотых завес — мировых кулис,
преображаются в звезды и сыплются вниз —

гляди, каким мерцающим кружевом лент,
алмазными искрами крестиков и колец, —
как будто ангелов цех потрудился тут!

Так небеса нас учат писать стихи,
так нас посещает вечность, пока снега
летят, не касаясь черной, жадной земли.

Тень

'Tis like me now, but I dead, 'twill be more
When we are shadows both, than 'twas before.

John Donne

Поэзия – театр теней,
Двумерный, эфемерный мир.
Ты ищешь жизнь полней, сочней? –
Иди в бордель, иди в трактир.

Там щупай круглую хурму,
Целуй наполненный стакан,
А здесь нет дела никому,
Ты бледен в гневе иль румян.

Умей отсечь, как тлен и гниль,
Куски бесформенного Я:
Они – не больше ты, чем пыль
Волосяная от бритвы.

В час поражения лекарей
Не верь, что все идет к концу,
Но в профиль повернись скорей
И розу поднеси к лицу.

Пусть век запомнит этот лик,
Предсмертный губ твоих изгиб.
И знай, поэт, что в этот миг
Родился ты, а не погиб.

Дерево перебора

...А это значит, что, решив и выбрав,
Ты перед выбором предстанешь снова,
И потому на много тонких фибров
Ветвится ствол желания любого.

Нет, ты не пыль в стихийном произволе,
Ты сознаешь, что средь густого бора
Случайностей есть Дерево Перебора,
В котором — торжество свободной воли.

Оно же, впрочем, Дерево Униженья
Свободной Воли, ибо так и этак
Твое желанье терпит поражение
На каждом перепутье гибких веток.

Так или этак — лучшей половины
Лишается, стезю свою сужая,
И каждый миг, как язычок змеиный,
Раздвоенностью безысходной жалит.

О, если бы не мыслию растечься —
Не только мыслью, волком или птицей, —
Всей полнотою жизни человеческой,
Всей дрожью жил совпасть и наложиться,

Чтоб испытать все то, что недоступно,
Недостижимо, чуждо, незаконно,
Изведать все развилки, сучья, дупла
И все плоды вкусить от этой кроны!

Есть сладкая в эдеме сикомора,
Есть темный кедр над пропастью Эрева.
Но только это Древо Перебора
И есть Познания истинное Древо.

Начало романа

В необъятной стране за могучей рекой,
Где шесть месяцев падает снег,
Жил один маслосмазочный и прицеппной,
Крупноблочный, пропиточный и тормозной,
Противозамерзающий и выносной,
Сверхурочный один человек.

Жил он с личной своей многожилной женой,
Очень ноской, нервущейся и раздвижной,
Гарантийно-ремонтной и чисто льняной,
Не снимаемой без пассатиж;
И однажды родился у них нарезной,
Безбилетный, сверхплановый и скоростной,
Акустический и полупереносной,
Двухпрограммный печальный малыш.

Над его головой не светила звезда,
Осенью его только знамя труда,
И шумели отравленные провода,
И шуршала над крышей его лебеда,
И стучал по ушам барабан.

Он учился прилежно — скользить и сквозить,
Коли надо — и мордой об стол тормозить...
Если это начало, позвольте спросить:
Чем же кончится этот роман?

Ворон

Как медленно выходит страх из пор! —
Как после операции наркоз,
Когда струится из-за белых штор
Веселье, нездоровое до слез.

Как медленно выходит страх из пор! —
Как из камчатской сопки сизый пар.
Как смрад убийства из хорьковых нор.
Как из оправданного запах нар.

Кажись, прошел полураспада срок
И половина страха сбыта с рук,
Но длится радиоактивный сток,
И счетчик свой отмеривает стук.

Слетает ворон на алмазный куб,
Чья грань длинней, чем бег дневной коня.
И долго-долго чистит желтый клюв,
Посматривая злобно на меня.

Легко ль не замечать его в упор,
Алмаз перетирающего в прах?
Как медленно выходит страх из пор! —
И входит старый, допотопный страх.

Строки, написанные в Вашингтоне

*Летиции Йендл, хранительнице рукописей
Фолджеровской Шекспировской библиотеки*

Зима. Что делать нам зимою в Вашингтоне?
Спросонья не поняв, чей голос в телефоне,
Бубню: что нового? Как там оно вообще?
Тепло ль? И можно ли в Гарольдовом плаще
Гулять по улицам — иль, напрягая веки,
Опять у Фолджера сидеть в библиотеке...
Врубившись наконец, клянусь, что очень рад,
Что «я смотрю вперед услышать ваш доклад»,
Роняю телефон — и, от одра воспрянув,
Бреду решать вопрос: какой из трех стаканов
Почище — и, сочку холодного хлебнув,
Вдыхаю глубоко и выдыхаю: Уфф!

Гляжуся в зеркало. Ну что — сойдет, пожалуй.
Фрукт ничего себе, хотя и залежалый.
Немного бледноват, но бледность не порок
(А лишь порока знак). Ступаю за порог.

Феноменально — снег!

Ого, а это что там,
Не баба ль белая видна за поворотом?
Хоть слеплена она неопытной рукой
И нету русской в ней округлости такой,
Что хочется погла... замнем на полуслове,
Тут феминистки злы и вечно жаждут крови!
А все же — зимний путь, и шанс, и день-шутник...
Сгинь, бес. Толкаю дверь — и вот я в царстве книг.

Перелагатель слов, сиречь душеприказчик
Поэтов бешеных, давно сыгравших в ящик,

Держу в руке письмо, где мой любимый Джон —
Уже в узилище, еще молодожен —
У теста милости взыскует... А не надо
Крутить любовь тайком, жениться без доклада!
Кто десять лет назад, резвясь, писал в конце
Элегии «Духи» о бдительном отце:
«В гробу его видал»? Не плюй, дружок, в колодец,
Влюбленный человек — почти канатоходец,
Пока его несет во власти лунных чар,
Он в безопасности; очнуться — вот кошмар.

Хранительница тайн косится умиленно
На то, как я гляжу на подпись Джона Донна,
Смирненно в уголок задвинутую (Вот!
Постой теперь в углу!). Но страх меня берет,
Когда я на просвет след водяного знака
Ищу, как врач кисту, и чую, как из мрака
Скелет, или, верней, тот прах, что в день суда
Вновь слепится в скелет, сейчас ко мне сюда
Зловеще тянется, чтоб вора-святотатца
До смерти напугать и власть расхотаться!

Скорей в читальный зал. Едва ль «монарх ума»
Прилюдно станет мстить. Ученые тома
Берут меня в полон и с важностью друг другу,
Как чашу на пиру, передают по кругу.
Я выпит наконец. Пора пустой объем
Заполнить сызнава веселия вином!
Не зван ли я к Илье? Вахтера убаюкав
Заученным «бай-бай» и письмецо от Бруков
Из дырки выудив, ступаю на крыльцо.
Пыль снежная летит, и ветер мне в лицо,
Но бури Севера не страшны русской Деве.

Особенно когда она живет в Женеве.

Незадача с одним неизвестным

Неизвестный икс, кривоногий крестик,
В задаче этой один, как пестик,
Ты на минусы-плюсы зришь, робок,
И не знаешь, как выбраться из-за скобок.

Ты уравнен со всеми, но уравненье
Не решается. Кто ты? Перенесенье
Из Лонг-Айленда в Бронкс не спасет, приятель,
Даже из числителя – в знаменатель.

Хорошо, это только подземка. Скомкай
Лист газетный, шуршащий сухой поземкой,
И сойди на станции, ближней к дому,
Глядя в тучу, похожую на гематому.

Пережиток прошлого, недобиток,
Ты устал разворачивать длинный свиток,
Ты взмахнул крылом и взлетел, как Сирин,
На высокий сук. Твой полет надмирлен.

Отдохни, и пусть белокрылый некто
Через форточку носит свои конспекты,
Из рулонов такой Вавилон построив,
Словно тут переклейка грядет обоев.

Не читай этих грамот. Сверни их в трубку
И смотри, смотри на свою голубку
Сквозь двоякие стекла земной неправды.
Наведи на резкость. Оставь на завтра.

Перетрется все. Поговорка в силе
Остается. Но суть не в муке, не в пыли,
А в шлифованной ясности ретровзгляда.
Возвратить на начало, mein Herr? Не надо.

Спи, Спиноза. Не вскрикивай: кто я? кто я?
Или в ванной, над лебедью белой стоя,
Размышляй напряженно, что ты за птица.
Незадача не может не разрешиться.

Дотяни до точки свое начало,
Как натягивают на голову одеяло.
И вверху, перед тем как упасть на койку,
Три креста поставь, хоть не веришь в тройку.

Бумеранг

Вот я и прощаюсь с этим домом,
С кубом воздуха над жестким ложем,
Лампочки внимательным наклоном
И с балконом этим захлавленным,
Формою на бумеранг похожим.
Все в руке, как говорится, Божьей.

Знаешь, Бог рисуется мне вроде
Австралийского аборигена:
Голый и нечесаный, он бродит
По своим безлюдным, диким бушам
И швыряет бумеранги-души,
Улетающие вдаль мгновенно.

Та душа, что врежется с размаху
В чью-то душу теплую, живую, —
Обретет себе добычу праха.
Только та, что с целью разминется,
Замкнутую высвистит кривую
И к пославшему ее вернется —

Чтобы вновь оружие запустил он
С громким воплем, с варварским подпрыгом!
Значит, время расставаться с тылом
Рук разжавшихся, с высоким тыном
Полок; я не верю больше книгам.

Только в тот волшебный край и верю,
Где, по донесенью очевидца,
Бродит Бог, не помня о потере,
Клювоносые пасутся звери
И бескрылые шныряют птицы.

Банька в Михайловском

Пушкин намыливает себе голову,
сидя в кадлушке с водой, —
эмблема блаженства.

Профессор выстреливается из пушки
на Луну
(путь паломника — из пушки на Луну) —
эмблема стремления к идеалу.

Спервоначалу
столько волнений:
верно ли нацелена пушка
и хватит ли сил оторваться
или придется снова
плюхнуться в то же
блаженство?

Но вот пройдена точка возврата.

Снаряд начинает падать.

И то, что мы называем Луной,
приближается так угрожающе
быстро, что профессор
отшатывается от окошка,
озаренный синюшным светом
этой Луны...

Луны ли?

Но пройдена точка возврата.

Назвался Одиссеем
(1995–1998)

Другая планета

И пока механический голос отсчитывает:
двадцать три... двадцать два... —
давайте резко передумаем
и вылезем из скафандров.

Вот она — другая планета.

Не правда ли, она вам что-то напоминает?

Солнце почти такое же,
и встречающие девушки
так похожи на провожавших.

Из Джона Донна

Кто новый год кроит на старый лад,
Тот сокращает сам свой век короткий:
Мусолит он в который раз подряд
Все те же замусоленные четки.

Дворец, когда он зодчим завершен,
Стоит, не возносясь мечтой о небе;
Но не таков его хозяин: он
Упорно жаждет свой возвысить жребий.

У тела есть свой полдень и зенит,
За ними следом — тьма; но Гостя тела,
Она же солнце и луну затмит,
Не признает подобного предела.

Душа, труждаясь в теле с юных лет,
Все больше алчет от работы тяжелой;
Ни голодом ее морить не след,
Ни молочком грудным кормить, ни кашкой.

Добудь ей взрослой пищи. Испытав
Роль школяра, придворного, солдата,
Подумай: не довольно ли забав,
В страду грешна пустая сил растрата.

Ты устыдился? Отряси же прах
Отчизны; пусть тебя другая драма
На время развлечет. В чужих краях
Не больше толка, но хоть меньше срама.

Чужбина тем, быть может, хороша,
Что вчуже ты глядишь на мир растленный.
Езжай. Куда? — не все ль равно. Душа
Пресытится любою переменной.

На небесах ее родимый дом,
А тут — изгнание; так угодно Богу,
Чтоб, умудрившись в странствии своем,
Она вернулась к ветхому порогу.

Все, что дано, дано нам неспроста,
Так дорожи им, без надежд на случай,
И знай: нас уменьшает высота,
Как ястреба, взлетевшего за тучи.

.

Назвался Одиссеем *Капитан Немо – Тихону Браге*

Назвался Одиссеем – полезай к Полифему,
назвался Немо – молчи, таись и скрывайся,
и даже когда Морфей приведет морфему
к тебе в постель – молчи и не отзывайся.

Назвался капитаном – закидывай невод,
охоться с подводным ружьем в подводном овраге.
И в небе спящем, и в мире – тихо и немо,
лишь Немо ищет забвенья в море, а Тихо – в браге.

Кем назовешься, туда и полезешь,
полезен будешь прелестью перифраза,
когда на валунах зацветает плесень
и истлевают слова в сердцевине вяза.

И если Алиса все еще ждет Улисса,
плывущего из Лисса и Зурбагана,
пускай сестра моя, корабельная крыса,
напишет ей честно, как нам погано,

(пока – без слов – он показывает на обрубок
языка, барахтающегося в дословесной тине,
и смотрит на шевеление губок
морских, на гибкие язычки актиний).

А ты, мой Браге с бутылкой своей подзорной,
двояковыпуклой и вогнутой двояко,
узришь ли меня ты в этой ночи позорной,
личинкой света в дальнем созвездии Рака?

Post Scriptum

(исполняется хором звездных феечек)

Кем назовешься, туда и полезешь,
и даже неважно, кто какого карасса;
когда грызешь себе губы, грызешь и гредишь,
и этим кончается плавание Гаттераса.

* * *

А если заскучаешь, позвони.
Пусть дрогнут кольца маленькой змеи
И разожмутся. Со второй попытки
Пространства плач послышится в трубе,
И вот — мой голос явится к тебе,
Как гость ночной к доверчивой спиритке.

Не прекословь ему, закрой глаза.
То, что ты слышишь, чистая слеза,
Родившаяся в кубе перегонном.
Се эликсир, ему же имя дух;
А телефон отцеживает мух
И связывает слух с другим эоном.

Так слышно хорошо и далеко,
Что не понять, с каких ты облаков
Звучишь, и сам я — из какой котельной.
Но если потихоньку закурю,
Ты догадаешься: я в том краю,
Где воздух и огонь живут отдельно.

* * *

Полуполоманная судьба
еще что-то показывает, как телик
дарёный, — хоть и рябит, как вода,
если смотришь вниз, а не на тот берег.

Это не Дант, а страх говорит,
не Вергилий, а тот же страх зачатый,
ибо то же, что нам отбивает ритм,
отбивает носы у статуй.

Всякая вещь хороша, пока нова,
она мудренее старой,
без конца вываривающей навар
из уже не дающей навара

кости. Вещь отказывается вещать
и переходит в разряд штуквин,
которые не стоит включать
ни в сеть, ни в список местных диковин.

Ричард II

Человека, который изобрел носовой платок,
Умертвили злодеи. Умертвили его не за то,
Что он изобрел. Но еще почему-то страшнее,
Что убили не просто какого-то короля,
Но того, чьим стараниям благодаря
(Значит, можно сказать, что он жил и погиб не зря)
Мы чихаем и плачем нежнее.

Тут Шекспир не додумал какой-то важной строки.
Если всех изобретающих носовые платки,
А также всех роняющих и теряющих носовые платки,
Умертвлять с гримасой неандертальца,
То никто не станет уже облегчать носов
И придумывать названия парусов,
А все станут, наоборот, ходить без трусов
И сморкаться посредством пальца.

Может быть, все к тому и идет. Посмотри на экран.
Левый кран прикрути. Или вовсе заткни этот кран.
Лучше в ванну заляжем.
Удивляюсь, откуда столько взялось сволочей,
Что придумали столько полезных вокруг мелочей,
Что не знаешь, которая кнопка, и номер тут чей,
И каким вытираться пейзажем.

Человека, который изобрел носовой платок,
Зарубили враги. Он уже не пойдет на каток,
Потому что растаяло время.
Есть в аббатстве Вестминстерском скорбный один уголок.
Можно встать над могилой его и сказать монолог.
Завяжи узелок, мой дружок, завяжи узелок,
Не стесняясь, один перед всеми.

Гобелен

Гумилев с Мандельштамом, как лев с антилопой,
прогуливаются по Летнему саду, по Серебряному веку.
На скамье Труффальдино шушукается с Пенелопой,
из-за Зимней канавки доносится кукареку.

Скоро, скоро, видать, розовоперстая жажнет,
скоро Святой Гавриил с патрулем нагрянет.
Скромная тучка на горизонте темнеет, и пахнет
жареным, хоть пока в ней огня нет.

Гумилев, сняв фуражку, крестится на колокольню,
голова его похожа на сжатую ниву.
Мандельштама одолевает какой-то хронический дольник,
он мычит, глядя в сужающуюся перспективу

аллеи — где, вдали алея,
видится что-то, еще видимое в радужном свете,
что-то такое невинное, чего и Блейк не наблюдал...
Но уже Петр обернулся, и вскрикнул петел.

Сон о Польше

Снится Польша маки на краю овражка
так не больно и спокойно
словно волосы я ваши глажу
дайте пальчик почувствуете пани
тут сквозная ранка
это взор ваш
подкалиберный и бронебойный
я машу вам с башни
я машу вам с башни вражеского танка

Сумерки сырые ночь хоть выжми
и луна желтеет над порогом
кузнецы куют в траве высокой в желтой пижме
вышла и пошла через дорогу
две минуты только разговору
тушинскому вору
и тому досталось больше
до утра ходить по косогору
гордости бы нам немного пан Тадеуш
эх — да где уж

Скользко под ногами нет опасней
северного этого суглинка
черная косынка
на краю оврага
да луна за облаками
вспыхнет и погаснет
— погоди куда ты —
нежных губ рубец продолговатый
обдающий жаром за три шага

Польша Польша месть святая
вечная присуха и обида
завтра выйдешь?
завтра выйду
завтра вынесут меня из дома
и положат на телегу у сарая
оттого и эта ночь сырая
и такая на душе истома
— погоди не надо больше
мягкие твои сестренка брови
жесткие твои солдатик брови
маки маки красные до крови
маки на зеленом поле

Три стихотворения о Боэции

I. Автор уговаривает Боэция не грустить, но в конце концов сам поддается его настроению

Чего же нам бояться, друг Боэций,
ввиду возможной смены декораций —
нам, умыкавшим Девушек с Трапещий
и побеждавшим персов, как Гораций,

нам, спорившим с Грозой и Ураганом
из-за какой-то чепухи в томате,
делившимся последним пеммиканом
с последним Могиканом на Арбате,

нам, вкладывавшим Рака в руку Грека
и поздравлявшим Эллина с Уловом,
искавшим в Сараваке человека,
дружившего в Париже с Гумилевым,

нам, видевшим во сне такие вещи,
что, будь твои тевтоны любопытны,
они бы в нас вцепились, словно клещи,
стремясь понять... Боэций, друг мой ситный,

какая меланхолия, подумай,
когда мешок пшеницы лежит на полке,
и сам с усам, и у твоей подружки
глазища черные, как у двустволки,

и рифмы старые хрипят в упряжке,
как зимним трактом скачущие кони,
и что-то плещется еще в баклажке,
холодное, как ртуть на Оймяконе.

По первой, говоришь? Разлей по первой,
раз философией слабо согреться.
Но, чур, не гнать. И вытри эти перлы.
О нет, ты не боец, мой друг Боэций!

II. Утешение философией. Король остготов Теодорих призывает Боэция и меняет гнев на милость

Однажды король остготов
посмотрел в зеркало
и увидел там
короля вестготов.
Устрашенный, он созвал диван мудрецов,
но ни один не смог истолковать сего сна.
Тогда король вспомнил о философе Боэции,
брошенном в темницу и приговоренном
к смерти. Призванный к королю,
Боэций успешно истолковал сон,
так что король совершенно утешился
и простил философа.
(Тайна истолкования,
к сожалению, утрачена.)

III. Тайна истолкования (Новое о Боэции)

Утраченная, к несчастью,
тайна истолкования
была, к счастью,
недавно новообретена.
Боэций сказал:
это значит, что ты, король остготов,

после смерти превратишься в короля вестготов,
а после смерти короля вестготов
снова превратишься в короля остготов,
а потом снова в короля вестготов,
а потом снова остготов,
вестготов, остготов,
вестготов, остготов,
и так до посинения. То есть философ
не сказал: до посинения, а сказал:
до скончания веков.
Король совершенно утешился
и простил Боэция
(как я уже, кажется, упоминал).
Боэций женился и умер,
окруженный почетом.

Уоллес Стивенс, или
О назначении поэта
*на должность вице-президента
страховой компании*

Стихи не дают гарантии. Чаттертон,
спотыкаясь, возвращается к себе на чердак,
пишет записку и глотает гадость. Эдгар
кое-как выколачивает четвертак за строку.
Он уже отразил про Ворону и Сыр,
на очереди Журавль, и Синица в уме.
Пушкин записывает в столбик на черновике
долги, как зашифрованные стихи.
С каждым месяцем эта поэма растет.
Один едет торговать в Африку, другой
покупает по случаю в Ростове пальто.
Вот такая компания. Назовите ее
компанией страхования жизни — почему бы и нет?
Судья спрашивает: «Кто вас назначил?»
Поэт скромно, но твердо отвечает: «Совет директоров».
Компания славная: Гете, принцесса Бадрульбадур
и г-н Стивенс. Гарантии на случай пожара, войны
и светопреломления. Ничего страшного нет.
Ибо в каждой крупнице инея уже навсегда
мыслит глазной хрусталик. Снежная пыль
медленно осыпается с вершины сосны.
Пальма на краю света ждет ответа,
как соловей лета.

Перелетная рука

Ты меня жалеешь я знаю
оглядываешь мою хибару
развороченный кратер постели
лунные моря пыли
и говоришь: да уж
без женской-то руки плохо

Жалеешь но не знаешь
что когда ночью все утихнет
когда земля перевернется
как лодка кверху килем
и замигает фонарик
над дальним причалом

женская рука прилетает
прозрачная и голубая
барражирует вокруг этажерки
пикирует на белый квадратик
фотографии упавшей на пол
как карта кверху рубашкой

и как голубка воркует
хватает тряпку бросает
вздыхает и бормочет
Чтоб эту снять паутину
тут нужна не женская рука а мужская
да с плоскогубцами...

Тут рука начинает заговариваться как Офелия и поет такую песню:

*На восточном полустанке
храбрый стрелочник живет
георгины он сажает
и шлакбаум стережет*

Тут она поправляет сама себя и поет такую песню:

*Приехал он пешком
на прутике верхом
священник был в зеленом
невеста в голубом*

Но тут она снова перебивает себя, и в конце концов у нее получается такая маленькая песенка:

*У мельниковой дочки
болит голова
Колеса не стучите
она умерла*

Эта песенка немного подбодряет женскую руку, и она совершает перелет через северный полюс и обратно за особой жесткой щеткой для мытья полов, но по дороге на нее нападает мысль о сопернице и препятствует домашнему хозяйству; она рвет на мелкие кусочки фотографию академического хора и, встав на подоконник, грозитя спрыгнуть вниз. Но потом как-то все обходится и наступает утро —

*Звезды уходят переодеваться
и пересчитывать чаевые
луна в целлофановый мешок
собирает программки и огрызки*

из пожарной части напротив
выезжает пожарная машина
и полиция устремляется в погоню
за похитителем Кассиопеи

И вместе с тенями ночи
женская рука исчезает
легка на чем-то помине
оставив лишь вой сирены
да серые плоскогубцы
висящие стиснув зубы
на клоке паутины

Jamais, jamais

Двенадцать слов сказала на прощанье,
(с предлогами считая), в том числе —
два «никогда». Что это значит, радость?
Поверь, я слишком долго их в уме
перебирал, и эти два «жамэ»
поряд... О жизни ли иной пророчишь?
Удвоенной ли вечностью грозишь?
Иль это просто так, перестраховка?

Камень, или Третий анекдот о Уоллесе Стивенсе

I

Драка Стивенса с Хемингуэем,
как известно, закончилась неудачно.
Стивенс был на двадцать лет старше,
тучен, как Гамлет, — к тому ж не поел:
кусочек мяса сделал бы свое дело.

Он вернулся в Хартфорд с рукою в гипсе и доложил, что упал с лестницы. Жалко, не уточнил с какой. Например, это могла быть лестница к алтарю в храме Монеты — последней богини (как верно отметил поэт) «этих мест, где ныне тоска запустенья».

Он мог бы сказать, что упал с горы — или с луны, или даже с пагоды.
И это было бы правдой.
Но версия о пагоде не проходила:
пришлось бы объяснять Элси, что он делал в пагоде и какую там поджидал невинную деву.

II

Мыльный пузырь на исправленных весах божества перевешивает камень (как известно). И это обидно. Из чувства справедливости и милосердия к камню Стивенс воспел его в чистом и беспримесном виде, освободив от всяких домыслов и довесков —

от Сизифа, залившего его своим вонючим потом,
от раненого Кухулина, привязавшего себя к скале,
чтобы умереть стоя, от Пигмалиона с тесалом в руке
и навязчивой идеей в башке, и вообще от любого
конного или пешего, объявившего себя царем горы.

Камень — это то, что остается,
если стереть с него плесень,
остается мчаться и вращаться,
аки снаряд из пращи.
Неподвижных же камней не бывает.
Это и есть анекдот о камне (с бородою).

III

Свежесть, молвят, хороша для сметаны.
А для стихотворения, как для иконы, важна
надышанность. Оно должно отвисеться,
вписаться в какой-то умопостигаемый контекст,
даже, если хотите, намозолить глаза.

Такова метафизика красоты. Это может нравиться
или нет, но спорить об этом глупо. Поэт
без перемытых косточек не существует.
Читатель ему не поверит,
пока не вложит перста своего — в анекдот.

Испанские галлюцинации *и другие стихи, написанные в Вермонте*

Вступление

Ремесло гадалки твердую прибыль
до сих пор дает, ибо мы не знаем,
что готовят нам Водолей и Рыбы
и какие дороги мы выбираем.
Ты всегда говорила — не беспокойся.
Я и не беспокоюсь. Но есть, однако,
что-то в человеке от Шерлока Холмса
или Фенимора Купера: присматриваешься к знакам,
как следопыт, принимаешься к разным странным
запахам, вслушиваешься, если кричат сороки;
каждая сломанная ветка кажется паттерном,
оставленным цыганом, проходившим по той же дороге.
Совпадения! Божеству, конфликта
избегающему с учителем астрономьи, —
как ему иначе явить свой лик-то
и свои чудеса перед миром, кроме
как путем совпадений? Вот его козырь.
Вот его настоящая стезя. Сводить вместе
Анечку с Ванечкой, сталкивать носом к носу
двух экспертов, изучающих какой-то особенный пестик
какого-нибудь цветка, изумлять дотошным
сходством судеб и строк, окликать с пристаней и с башен,
раскрывать страницу, где написано именно то, что
ты шептал себе в эту минуту, чтоб, ошарашен,
путник понял, как подошел он близко
к перекрестку. Я говорю о Лорке
и его цикле «Одиночество в Колумбийском
университете» из книги «Поэт в Нью-Йорке».

Здесь и я по тем же ходил аллеякам,
Альму-матер на тех же видал ступенях,
говорил по-английски «салям алейкум»,
озверев, доходил до точки кипенья
жарким полднем июльским, а накануне
Рождества глазел на снег и деревья
в гроздьях света и думал, пуская слюни
умиленья: «Ах ты, моя деревня!»
Или вылезал из окна на крышу
факультета славянского, выше флага,
и, как Маша медведю, кричал: «Все вижу!...»
Что он мне нагадал, андалузский бродяга?
Не хватало времени за текучкой
посмотреть, а в Вермонте, в читальне местной,
просто так, наугад потянулся ручкой
за какой-то обложкой неинтересной —
и открылось: Logsa. Poesmas de la
soledad en Vermont. Нет, уж это что-то
чересчур; тут какое-то астральное тело
развлекается, это его работа.
По-испански, честно сказать, я знаю
десять слов; но рука моя, как на сеансе
спиритическом, вдруг задергалась, как шальная,
и пошло: как во сне или в некоем трансе,
бормоча и мыча, я вдыхал пар словесный, из трещин
строк всплывавший и сливавшийся в сгустки.
Что-то наскреблось. Назовем эти вещи
галлюцинациями с испанского на русский...

Галлюцинация первая

**Пейзаж с двумя могилами
и ассирийской собакой**

Слышишь, друг,
дальний стон?
Проснись и слушай:
это воет ассирийская собака.
Три звезды над могилами танцуют,
три звезды из созвездья Рака.
Сын мой, это пепел ворожей,
горы одеял, измятых страхом,
конский глаз, переехавший на шею,
и луна с разодранным пахом,
затопившим могильную траншею
кровью пурпурной своей и прахом.

Друг, проснись,
ибо ветер с граней горных
стих, как стихло дыханье стеклодува.
Что с того, что воды морской по горло?
Я любил птенца с писклявым клювом
и пушком на язычке коротком,
мы с ним жили на горе Везувий
сорок лет или тысячу — не помню.
Тише, друг! Тише!
Слышишь, как из мрака
вой несется безумный и утробный,
пригибающий головки мака
и кренящий мотыльков в полете?
Спрячься от него в нору, в дупло, замри, укройся!
То скуленье, то вой... В траву заройся!
Он все ближе... Ни звука и ни знака!
Друг мой!
Слышишь голос безысходный?
Это воет ассирийская собака.

Lorca. Poemas de la soledad en Vermont, 1929

Песни потерпевшего кораблекрушение

Сыграно автором на днище кастрюльки

*

Перевернувшаяся лодка
одинока на свете,
как Федерико Гарсиа Лорка
в Колумбийском университете.

С тремя рядами скамеек
театрик его плавучий
судьба обмакнула в воду
на всякий пожарный случай.

В воде хорошо, но скучно
и песни петь неудобно;
отрезанная горбушка
осклизла и несъедобна.

Цепляться за нее глупо,
как за шляпу-соломку
случайной портовой куклы,
играющей в незнакомку.

О Солидад – солидарность
звезды и души нелепой,
застравшей, как буриданов
осел, меж морем и небом!

Закрой же глаза скорее,
забудь о прошлом улове,
стань лишь головой Орфея,
поймавшей себя на слове.

Поймавшей, как ту рыбешку,
которая, в сеть твою сплавав,
воскресла неожиданным часом
и поет Господу славу.

*

У потерпевшего кораблекрушение
есть выбор:
он может превратиться
в плавучую бомбу,
в летучую воблу
или в созвездие Водолаза.

Плавучая бомба взорвется,
летучая вобла погаснет,
и только созвездие Водолаза
укажет дорогу
тонущим следом.

*

Выбросило на берег
морячка с «Марианны»
Аллилуйя, аллилуйя

Он подрожал, согрелся
выбросило кастрюльку
Аллилуйя, аллилуйя

Он поел, притомился
выбросило кроватьку
Аллилуйя, аллилуйя

Поспал, пробудился
выбросило русалку
Алмлуя, алмлуя

*

Все обойдется. И верно,
все обошлось. Его домик
сгорел. Горелое место
заросло травой. На лужайке
выросла ива. На иве
поселились воробьи. Старуха
умерла. Каждый вечер
луна всходила над полем

*И только вода в ручье
навсегда осталась соленой.*

Он уехал в горы женился
у жены его были
пальцы тонкие как у ивы
он напился и свадьбы не помнил
плясал на крестинах сына
молился в маленькой церкви
на дворе жили лошадь и овцы
он слышал их просыпаясь

*И только вода в ручье
навсегда осталась соленой.*

Галлюцинация вторая

Заброшенный дом

Ищет и не обретает
ветер своего тела —
и в тоске улетает!

Верно вы угадали:
луна — лошадиный череп,
облако — яблоко дали.

Всплеск и отблеск мгновенный —
два дорогих заклада
в схватке весла и пены.

Агнец весной испуган
щипцами и лезвиями
зазеленевшего луга.

В капле воды от века
крылышками трепещет
белый голубь Ковчега.

Скалы из пистолета
целятся, взяв на мушку
красную дичь рассвета.

Травы растут. Как чисто
звон их шпаг раздается
под небосводом дуплистым!

Травы пахнут. Дай руку!
Сквозь разбитые стекла
брызнула кровь потемок.

Нас с тобой только двое,
мой полуптичий ребенок,
нас с тобой только двое.

Надышись этой пылью:
мучь и мни для полета
в небо — жесткие крылья.

Lorca. Poemas de la soledad en Vermont, 1929

Песни заблудившегося в пустыне

Сыграно на тростниковой жалейке

*

За холмом,
 куда убежала песчаная змейка,
Я набрел
 на эту лавочку сувениров.
На земле
 на расстеленном одеяле лежали
Кинжалы на всякий вкус —
 просто так и для мести,
Шкатулки с секретом,
 открывающимся только под старость,
Птичьи перышки
 для щекотанья уснувшего лиха,
Колечко, присыпанное
 тонкой пылью забвенья,
И кувшин без джинна,
 но с надписью «очень сердитый».

А еще там были
 очки для колки орехов,
Заводные ключи
 от сломанных в детстве игрушек,
Черепашковое зеркальце,
 в которое я смотреть побоялся,
И карта миражей,
 изданная в Каире в двенадцатом веке.

*

Я поздоровался — оно исчезло
Я хотел объяснить — оно погасло
Что такое неизвестно

Двери проскрипели кто-то вышел
Но не видно ни дверей ни петель проскрипевших
Странные какие двери

Паучок бежал свалился в ямку
Выкопался закопался и сказал мне
Съехав с неба
На качающейся нити

Здесь народу больше чем в Багдаде
Но народ все больше робкий
Потому что весь усопший

Говори — ведь им щекотно слушать
Голос твой болтающий напрасно
Так сказал и вверх втянулся
На качающейся паутине

Оглянулся я и вдруг увидел
Как бежит горячая поземка
По пустыне

Галлюцинация третья

Маленький венский вальс

В венском замке девушки танцуют,
смерть рыдает на плече цыгана,
в черной роще семь голубок белых
дышат мглою ночи и тумана.
И горит осколок бледно-рыжий,
как вино, в музейной темной раме.

Ай-ай-ай! Возьми же
этот вальс со сжатыми губами.

Я люблю тебя, люблю безумно,
с книгой мертвой и с улыбкой грустной,
в башне ожидания темно-синей
и в пещере смутных, душных лилий,
на постели моря, в лунной нише,
на балу, что снится черепахе.

Ай-ай-ай! Возьми же
этот вальс в смирительной рубаше!

Зеркала слепые в старой Вене
в дочки-матери с тобой играют.
Лица юных женихов синеют,
и рояля звуки умирают.
Распевают нищие на крышах,
и рассвет алмазы в сумку прячет.

Ай-ай-ай! Возьми же
этот вальс, от слез твоих горячий.

Я люблю тебя, люблю, теряясь
в темном гроте, где играют дети,
в снах твоих венгерских растворясь,
в шелесте теней и в зыбком свете.
На чело твое гляжу и вижу
лилий снег и рун овечьих реки.

Ай-ай-ай! Возьми же
этот вальс «Люблю тебя навеки».

В старой Вене я с тобой танцую,
в маске и венке речного бога,
и кружат в водовороте струи,
омутом кончается дорога.
В поступи твоей скользяще-зыбкой,
в темных волнах царственного шага
я зарою жизнь мою и скрипку,
уходя из мира, как бродяга.

Lorca. Huidad de Nueva York, 1930

Еще одна бродячая скрипка

Пролетает, брызнув в ночь огнями...

А. Блок

Музыка эта ночная в сабвее...

Поздний ездок, над раскрытою книгой совея,
Слышит какого-то Скрябина вдруг или Брамса —
И, пораженный, внезапно выходит из транса.

На пересадке, поняв роковую ошибку,
Слышит с платформы напротив бродячую хриплую скрипку,
Голос заплечный: «Чего тебе надобно, старче?»
Звук приближается, все горячее и жарче.

Это не музыка — когтем по форточке скрежет,
Это цыганка с жидовкою курицу режут,
Это убийца скрипит по ступеням — все ближе и ближе —
Кролик, беги! — но бежать невозможно — беги же,
Кролик! —

но бежать бесполезно и поздно спастись —
Если не вылетит трейн из туннеля, как утка из зайца.

Двери сомкнулись — как отрубило.
Господи! Кто тут вокруг, венецьянцы иль турки?
Музыка стихла. Что это было —
Что продолжается снова беззвучно, но в темпе мазурки?

Это погоня несется, гарлемским гремя перегоном,
И не понять в блеске вагонном и гуле —
То ли протон обезумевший гонится вслед за протоном,
То ли Вакула на черте летит, то ли черт на Вакуле.

Что это было? Музыка стихла.
В синем окошке Бронкса огни замигали.
Взвизгнувший тормоз. Треснувший выхлоп.
И непонятно кому — эту розу в бокале.

Главное — не говорить и не шевелиться,
Чтобы не сбить уходящего слабого звона...
Так раскрывают ножом перловицу
Ради слезинки одной замутненной.

Так одалиска лежит — недорогая утеха
Местной базарной шпань; и все ей мерещится ласка
Гостя ночного; и в ухо ее входит эхо,
Как караван верблюдов в ворота Дамаска.

Где было сладко там больно

Он проснулся
в чужом доме
от боли в груди
ему снилось
что он ночевал
в чужом доме
проснулся и увидел
свою старую подругу
она мыла посуду на кухне
он подошел к ней сзади
и обнял

Она вдруг обернулась
как в страсти
или в лихорадке
схватила его руку
и потянув ее к себе вниз
прошептала:
тут больно
вот тут — вот тут —
и обвела полукружьем
там где больно:
где было сладко там больно

Прости
я бы спас тебя
я сотворил бы чудо
но я не знаю
что с тобою
и где ты

всю жизнь
я расплачивался
фальшивой монетой
за это
горячее олово
льется сейчас
мне в глотку

Бронкс

I

Смотрю в окно на мальчика-испанца,
Бегущего по улице вприпрыжку,
Подбрасывая что-то и роняя.

Его душа моей душе родная.

II

Я тоже скоро выскочу из дому,
Спеша к своей возвышенной подземке,
Где ждут меня опасные туземки,
Которым надо только бус и рому.
И с ними вдаль помчусь по эстакаде,
Пример являя честных правил дяди.

III

Когда я эти улицы покину,
Как воробей, что, поклевав мякину,
Умней не стал, —

Раздастся выстрел в спину.

IV

Я вижу в зеркале свою щетину
Седую — и врубаюсь в середину
Победоносным танковым ударом:

Так в детстве, скучную съедая кашу,
Внезапно рассекал я силу вражью,
Дробя и по частям уничтожая.

Щека моя, и ты уже чужая?

V

На этом свете есть игра такая:
Очертят круг, и вот тебе земляца,
Ткнут в нее ножик, проведут границу —

И выбирай: какую половину,
Ту или эту? Эту? Перепрыгни.
Вновь ножичек метнут, ломоть отрежут:

Какую — выбирай? И так, покуда
Останется такой клочок, что даже
Двумя ногами на него не ступишь:

Качайся на одной ноге, как цапля.

VI

Но и его измерят и разделят.

* * *

Память — летучая мышь,
Мечущаяся в темноте
Между натянутых нитей.

Поэзия — ночной сторож,
Стучащий в свою колотушку:
— Все спокойно!
Спите! Все спокойно!

Вдогон ее улыбке
(1999–2000)

Все изменяется, кроме палочки от эскимо

Все изменяется, кроме палочки от эскимо.
Юные парочки молча бредут из кино.
Там, в бельэтаже, смуглая штора дрожит.
Старая дама смотрит на снимок Брижит.

Лучше не думать о том, где ее муженек:
Там, где лежит он, лежит лишь его стерженек.
Лучше не трогать скрипящие створки трюмо.
Все изменяется, кроме палочки от эскимо.

Это ль картуш, заключавший в себе божество?
Время слизало царское имя с него.
Тонкая палочка, высветленная добела.
Где ты, русалочка, ночью сегодня была?

Спят динозаврихи на пустыре городском.
На птицефабрике пляшут петух с петухом.
Тонкого тления реет в ночи аромат.
Спят вождедения, воспоминания спят.

Старая дама обшаривает пиджаки.
Чьи это в комнате тихие веют шаги?
Даже дракон одряхлел на ее кимоно.
Все изменяется, кроме палочки от эскимо.

Вдогон ее улыбке

Должно быть, наша связь — ошибка,
И этот мир — ошибка тоже,
Вот почему скользит улыбка
По этой хитрованской роже.

Вот почему она бродяжка,
Коня троянского подружка,
У ней чеширская замашка
И в животе — глинтвейна кружка.

Она, конечно, виновата,
Но жизнь, ей-богу, так забавна,
Как будто теребят щенята
Послеобеденного Фавна.

Они тревожат отдых Фавна,
Они покой смущают Овна,
И шалопайничают явно,
И получают год условно.

Преступник спит, улыбка бродит
По бороде его небритой,
Идет направо — песнь заводит
О юности полуразбитой.

Бывает глухо, словно в танке,
Но разбежится дождик мелкий,
И вспоминаются Каштанке
Ее счастливые проделки.

Улыбка, ты не просто рыбка,
Морей немая идиотка, —
Из глубины, когда нам зыбко,
Ты возникаешь, как подлодка.

Твой перископ на Лабрадоре,
Радар твой на Мадагаскаре,
Твое ли тело молодое
Я обнимаю и ласкаю.

И обнимаю, и ласкаю,
И отпускаю виновато,
Плыви, плыви, моя морская,
В даль милую — без аттестата.

Старик

В дырявом канотье, в пурпуровых трусах
По пляжу он идет, как клоун по канату,
И море на своих расстроенных басах
Играет небесам закатную сонату.

Магометане волн пред ним простерты ниц,
Готовится финал в скрипичном гуле шквала.
Он с тихой нежностью глядит в глаза блудниц,
Ища меж ними ту, что всем всегда давала.

Она идет к нему, она уже близка,
Прибой о ней поет и сладостно, и тошно...
И, аплодируя триумфу старика,
Привычно хлопает отставшая подошва.

Визит молодого поэта

Этот парень, хотя и смешон,
Не лишен поэтической жилки.
Он глядит на меня как пижон,
Понимание пряча в ухмылке.

Я стою на другом берегу,
Дребезжу, как венки на могиле:
«Извините... судить не могу...»
Да ему и не нужен Вергилий.

Хватит, видно, и так куражу
Довести до конца это ралли
По кренящемуся виражу,
По извилистой адской спирали.

Так какой тебе, к черту, сезам?
Что за тени счастливец пугают?
Научить? — Научился бы сам,
Если б знал, куда лошадь впрягают.

Остаюсь, чтобы думать свою
Отмененную веком идею.
И сверчиную песню пою,
И мычу, и во сне холодею.

Куст малины в Вермонте

Это было в августе, в Вермонте,
на горе у масонского погоста,
где береза и дюжина надгробий,
где уже двести лет не хоронили.

Каждый день я взбирался по тропинке
и навеки запомнил ту малину —
куст, встречавший меня на полдороге,
обгоревший, обобраный вчистую.

Подходил я — там что-то розовело,
проступало застенчивым румянцем;
каждый раз она что-то вновь рожала
и меня угощала безотказно

спелой ягодой — каждый раз последней.
Низко кланяюсь тебе, малина:
не за ту неожиданную сладость,
что ты мне, мимохожему, дарила

(хоть ее мои губы не забыли), —
а за эту последнюю, дурную
каплю пьяную, что вновь рождает
глаз мой — куст обгорелый и бесплодный.

Ночью на шоссе

Оглянувшись, ты видишь его вдали —
огонек, что ныряет с холма в долину,
и невольно ширишь шаги свои,
словно взгляд почувствовав острый в спину.

Ты на тень косишься — пряма ль, горда? —
отмечая, как твердо пружинят ноги,
и примерно уже рассчитал, когда
обернуться опять и сойти с дороги.

И чуть-чуть не успеешь, всего чуть-чуть
своевременно голову повернуть,
когда вдруг, безжалостным светом залит,

обомлеешь, как заяц, в последний миг,
не поняв, что за ветер тебя настиг..
Мать родная! Да что же он не сигналит!

Post Dictum

Больше уже и доказывать нечем: слово разбилось о слово,
Только остался голос твой певчий — виолончельное соло.
Птица, зовущая из тумана, из-за ночного болота...

Odor rosarum manet in manu etsiam rosa submota.

Утром я перво-наперво сдвину штору с окна и увижу
Красную в мокрых гроздьях рябину, поля осеннюю жижу.
Черного чаю с полки достану... Что еще, как не работа?

Odor rosarum manet in manu etsiam rosa submota.

Вот и осыпался бледный твой венчик, бледного сердца бескровней,
Будешь звучать поминанием вечным в мира унылой часовне.
Встречу — не вздрогну, даже не гляну, с нимба сошла позолота.

Odor rosarum manet in manu etsiam rosa submota.

Ветер, сломавший старые сосны ночью у нас на поляне,
Ангелом черным времени послан, ибо известно заране
Все, что Изольда скажет Тристану утром в саду Камелота.

Odor rosarum manet in manu etsiam rosa submota.

Толстые щеки пыжат пионы, солнце встает за лесами,
В зарослях вербы свищут шпионы зябликовыми голосами.
И, зажимая рыжую рану, млея от смертного пота, —

Odor rosarum manet in manu etsiam rosa submota.

* * *

Она умела кричать, как ворона: «Каррр!» —
Вкладывая в это «каррр!» столько обиды на мир,
Что даже зеленый с розовым ежиком шар
Лопался, как будто в нем десять проделали дыр.

Она умела кричать, как ворона: «Каррр!» —
И спозаранку, когда я в объятиях сна
Еще посапывал мирно, будила в самый разгар
Блаженства — мерзкими криками из-за окна.

Может быть, это «каррр!» я больше всего и любил;
На эти губки смешливые — о, вундербар! —
Глядел неотрывно и радовался, как дебил,
Когда они вдруг издавали жуткое «каррр!».

Она взмахивала руками — и слетались полки
Ее товарок черных на Черноморский бульвар,
Как в «Принце и нищем», она стаскивала чулки —
И начинался разгул этих черных чар!

И как заведенный злой чернавкою в лес,
Но пощаженный ради молений его,
Каждый миг ожидая гибели или чудес,
Я оглядывался и не понимал ничего...

Грех глядит на меня, позевывая и грозя,
Кара вензель свой острый вычерчивает за ним,
Смерть придет — и не удостоит взглянуть в глаза,
Только вскрикнет голосом твоим хриплым, родным.

Вольтер

Скажи-ка мне, Вольтер, сидящий в ступке,
Ты отвечаешь за свои поступки?
А если ты за них не отвечаешь,
То кто же отвечает, черт возьми?
Ты, может, просто-напросто скучаешь,
Когда свой вертикальный взлет включаешь,
Но неужели ты не замечаешь,
Когда с земли несется «тормозни»?

О командир летающего танка!
Какая в небе ждет тебя приманка?
Несчастливая смешная обезьянка,
Скажи, куда карабкаешься ты?
Ты под луной пронесишься со свистом,
Как вольный казачина в поле чистом,
И, усмехаясь этаким артистом,
На Божий мир зрираешь с высоты.

И в этот час к тебе возводят взоры
Атланты, силачи и полотеры,
Банкиры, браконьеры, билетеры
И несколько скучающих джультетт.
А ты касаньем кнопки незаметной
Включаешь с ревом двигатель ракетный —
И, пролетая над родимой Этной,
Этнографам шлешь пламенный привет!

В цирке

Зацепившись ногой за трапецию,
Устремляя под облаки взгляд,
Улетает красotka в Венецию,
Возвращается к мужу назад.

Он ей белые ручки выкручивает,
Он ее заставляет висеть
Над страховочной сеткой паучею,
Безнадежной, как всякая сеть.

Но и в этом чудовищном выкруте,
От которого сердцу темно,
Она бьется, клянется – но в игры те
Продолжает играть все равно.

* * *

Как отрока в семнадцать лет
загадка атома или ядра
влечет — и он ночами не спит,
стремясь понять загадку ядра,

вот так направленный в пустоту
дурацкий вопрос: как она могла? —
терзает взрослого — и он не спит,
стараясь понять, как она могла;

и эта неразгаданная пустоты
загадка — приковывает сильнее
любого участия или добра
к великой — непостижимой — к ней;

и оттого, что получить
ответ на этот вопрос нельзя, —
как пьяная девка, проходит жизнь,
рассыпав лица и голоса.

* * *

От бабы требовать того же, что от Бога, —
Я полагаю, в том есть мудрости не много.
Бог — это Абсолют, а женщина — звено
В цепи земных причин; уж так заведено.
Она не Цель, не Путь; хоть целятся преметко
Охотники в нее и путают нередко
С Путем единственным; но разница проста:
Одно есть глубина, другое — высота.
Скачи хоть целый день, недалеко ускачешь
На этакон коньке; все, что в нее ты спрячешь,
Наружу вылезет и закричит: «Уа-а-а!»
(Привет почтеннейшему мэтру Франсуа).
И если уже ты, моя Душа, решила
В такой худой Мешок свое упрятать Шило —
Которым ты б могла проткнуть еще одно
Отверстье в небесах, чтобы щедрей сквозь дно
Блаженный брызгался на нас, подобный душу,
Дождь истины святой, — то мне ль неволить Душу?

Укладчик №17

Я хотел бы работать
на фабрике «Большевичка»,
делать доброе —
безымянно, безвестно,
чтобы люди, не знающие меня,
говорили:
— Хороший человек укладчик №17.
Трудно было, наверное,
вложить девять зефирин
в восемь дырок, —
но он сделал это
на благо людям.

Услуги

Я зашел в «ОКАЗЫВАЕМ УСЛУГИ
ПО СНИМАНИЮ КОТЯТ С ДЕРЕВЬЕВ»,

где мне предложили
САМООБСЛУЖИТЬСЯ
и дали стремянку
с тремя ногами.

Я зашатался и воскликнул:

— Зачем мне стремянка
с тремя ногами?
У меня же котенок
с четырьмя ногами!
Мы упадем
и сломаем ноги!

На это мне услужливо отвечали:
«Зато вы получите много денег!» —

И отправили в «ОКАЗЫВАЕМ УСЛУГИ
ПО СТРАХОВАНИЮ СТРЕМЯНОК
С ТРЕМЯ НОГАМИ».

Под шарманку дождя

Нынче день какой-то нервный,
За окошком — кап да кап.
Заходи погреться, Герман,
Ты ж в мундирчике озяб.

Вот и рюмки. Выпьем с ходу —
По-английски: айн, цвай, драй!
Доставай свою колоду,
Распечатывай давай.

Что ты будешь ставить на кон?
У тебя ведь денег нет.
Слово чести? Булку с маком?
Лизу? Шляпу? Пистолет?

Мокро, сыро — сыро, мокро...
Где же, Герман, твой бокал?
Под окном угрюмый доктор
На пролетке проскакал.

Что ты шепчешь, друг любезный,
Что бормочешь ты тайком,
Как павлин, расклад чудесный
Раздвигая веерком?

«Все на свете — только карта,
От шестерки до туза,
От инфаркта миокарда
До медяшки на глаза...»

ДЕРЕВО

было

Задумчивое, с дуплом,
оно часто жужжало по вечерам,
вызывая повышенный интерес.
Но когда Чернокожий туда залез
и, рискуя башкой, выкурил пчел,
дупло оказалось совсем пустым.
...А потом, когда выветрился дым,
в нем устроились гномы, и они сперва
жили тихо, — но через неделю устроили вдруг
свадьбу и так разошлись, что жених
выпал — и тогда отменили бал
и назначили поминки. А потом там был склад
шишек. А потом там держал шпион
чертежи самострела (его почти
поймали, но он все же успел удрать).
О прекрасный мой Дровосек, присядь
на пенек. Не спеши. Послушай, о чем
шелестят вершины — там, наверху...

Знаю, чую:
ты крепко
рубишь меня,
никогда не
разрубишь.
Верю тебе.
Потому что
коре моей —
тыща лет.
А листва —
ровесница
мотылька.

Сыну

Как быстро роешь ты, подземный крот!

Гамлет, I, 5

Одного отобьешь короля,
Двух валетов назойливых скинешь.
Но прицепится к дну корабля
Угрызенье — и вот он, твой финиш.

Иль, скача сквозь кусты напролом
За пугливой, бодливой любовью,
Тонконогим наскочишь конем
На глубокую ямку кротовью.

Иль, пустившись по легкой стезе
Правдолюба, судьи, следопыта,
Поскользнешься на женской слезе —
И на встречный наколешься выпад.

Потому что возмездие — крот,
Ибо кротко, невидимо роет,
И тебе никакой звездочет
Его тайных путей не откроет.

Ночью темной и ветреным днем,
Даже если ни ангела рядом,
Вспомни: все мы стоим под кротом,
Под его немигающим взглядом.

С ирландского

Улитка знает секрет,
но никому не откроет,
ежику лишь откроет
секрет, который невидим.

— Ежик, скажи секрет свой,
смело пред нами откройся:
поверь, мы тебя любим
и никогда не обидим.

Но ежик не выдаст секрета,
он крепко в себе его держит.

— Неужто ты нас боишься,
таких родных и хороших?

Так спрашиваем, забывая
о Боге в венце терновом,
с тех пор кто поверит миру,
какой простоватый божик?

«Сменка», глобус и перепутанные шнурки

Я представил тебя ребенком,
зашнуровывающим ботинки,
перепутывающим все дырки,
зашнуровывающим опять;
у тебя на лице гримаска,
у тебя в букваре картинки,
и допить свою чашку чая
ты опаздываешь опять.

Я представил тебя ребенком,
ожидающим свой автобус,
научившимся в свой автобус
переполненный залезать,
у тебя в одной руке — «сменка»,
а в другой руке твоей — глобус,
и в свою специальную школу
ты опаздываешь опять.

И, взглядевшись в эту картинку,
неожиданно понимаешь
то, чем мучился так упорно,
что так долго не мог понять:
почему ты владеешь миром,
почему ему изменяешь
и в каких невозможных соснах
ты запутываешься опять.

Ты опять исчезаешь рано,
как прилежная ученица,
оставляя, словно улику,
на столе недопитый чай.
Раскрути на прощанье глобус,
и пока он будет кружиться,
и пока он будет кружиться,
убегай... и не отвечай.

Баллада о капустном пироге

Плыл королевич грустный
По матушке реке,
Он вез пирог капустный
В протянутой руке.

А в пироге капустном
Была заключена
Волшебником искусным
Принцесса кочана.

Он ехал мимо леса,
Кусочек откусил.
Тут пленная принцесса
Вскричала что есть сил:

«Ах, осторожней, витязь!
Вглядитесь в пирожок!
Вы очень удивитесь,
Какой вам будет шок».

Вгляделся королевич
В то, что он ел в руке,
И видит — облик девич
В печали и в тоске.

.

А той порой на грядке
Капустный Царь не спит,
На лбу — раздумий складки,
В глазу слеза блестит.

И все вокруг морковки,
И редька, и салат,
Склонив к земле головки,
С Царем своим скорбят.

Вдруг видит: королевич
Плывет к ним по реке
И держит образ девич
В протянутой руке.

Царь очи протирает,
Не верит счастью — ах! —
И вот уже сжимает
Малютку-дочь в руках.

«Премила Кочерьяжка,
Ужели ты со мной?
Как по тебе, малышка,
Скучал родитель твой!

Теперь устроим пляски,
Веселый маскарад,
Ликуйте без опаски
И редька, и салат!

Тебе же, храбрый воин,
Я все вручить готов!
Ты будешь удостоен
Капустных орденов.

Сей миг, без передышки,
Тебе я отдаю
И руку Кочерьяжки,
И всю грядку мою!»

.

Все было – небо в звездах,
И тысячи свечей!
А утром – мирный роздых,
Тарелка свежих щей...

Внемлите этой были,
Глубокий в ней урок;
И если где купили
С капустой вы пирог,

Котлетку, или сразу,
Иль просто голубец,
То не глотайте сразу,
Как дикий жеребец,

Но надкусите с краю,
Слегка, без суеты,
И я вас уверяю,
Что отдохнешь и ты!

Черноморский бульвар

Желтоголовых чуд рассыпано по скверу...
Довольно ли их чтут? — С усердием, но в меру.

Вишневый ветерок осыпал цвет на блузки,
Где с видом недотрог гуляют трясогузки.

Березка шелестит, и расцветает тополь...
Но саваном укрыт геройский Севастополь.

Обида — на душе, и на глазах — обида;
Колхида, ты уже сокрылася из вида!

Везде чужая речь звучит — и очень кстати
Проносится навстречь мурза на самокате.

В кудряшках пацаны в грудь россов целят стрелы;
В тумане не видны Босфор и Дарданеллы.

Пушкин-1999

Пушкин идет по вагонам электрички,
Появившись в дверях, без предисловий
Объявляет: «Граждане,
Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты».

Хлопает дверями тамбура,
Переходит в следующий вагон
И снова: «Граждане,
Я помню чудное мгновенье».
Когда он проходит между скамьями

Граждане пытаются сунуть ему в карман
Мелочь, но не находят кармана
В строгом сюртуке, ни шляпы
В смуглой руке. А Пушкин
Входит в следующий вагон

И говорит: «Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты!
Граждане, кто заинтересовался:
Не забывайте моих произведений,
У меня много произведений».

Путешествие (2001–2003)

Путешествие

Человек, по сути дела,
Как бы падающий с крыши,
Но по внешности наружной
Вид имея пассажира,
Из дверей вокзала вышел:
Сыро, холодно, безлюдно.
Значит, это так и нужно.

Он в гостиницу идет,
Выпивает виски в баре
И, поднявшись в номер десять,
Как умерший египтянин,
Достает из саквояжа
И раскладывает вещи
Для потусторонней жизни
(Не забыто ли чего).

Бритва, зеркальце, рубашка.
Нежный голос в телефоне:
Не желаете развлечься?
Он развлечься не желает.
Он ложится в саркофаг,
Задвигает глухо крышку,
Сверху камень налагает
И — без воскрешенья — спит.

Баллада о том, как синьор кабальеро
Вилли Кемп, доктор шарлатанских
наук, продавец придури и слуга его
милости самого себя, протанцевал
за девять дней от Лондона
до Нориджа

И вскричал Вилли Кемп: «До скончания дней
Чтобы эля не пить мне, не видеть друзей,
Чтобы есть мне один только поридж,
Если я напоследок, такой дуралей,
Ради чести английской и славы своей
Не станцюю из Лондона в Норидж, —
Ради чести английской и славы своей
И еще — для потехи любимых друзей —
Не станцюю из Лондона в Норидж!»

Госпоже моей Анне — ее Пилигрим:
«Драгоценная леди, мы с другом моим
Барабанщиком Томасом Слаем
Из гостиницы милфордской «Пир моряка»,
Где нас волей Судьбы задержало слегка,
Вам сердечный привет посылаем.
Происшествие вышло такое у нас:
Вилли вывихнул ногу, не только что в пляс —
И пешком мы идти не дерзаем».

Лекаря, осмотрев от макушки до пят
Кабальеро Кемпино, ему говорят:
«Восемь лет посещали мы колледж,

Восемьсот проводили больных на тот свет,
Так послушайте искренний вам наш совет:
 Не танцуйте из Лондона в Норидж.
Обязательно вы повредите сустав
Или с берега в пруд упадете, устав, —
 Лучше кушайте дома свой поридж!»

Но вскричал Вилли Кемп: «Что мне вывих ноги,
Если мне еще в детстве свихнули мозги, —
 Ничего, не тоскуем, не плачем!
Так ударь в тамбурино, любезный мой Слай,
Пусть поднимут собаки окрестные лай
 С удивительным рвением собачьим!» —
И похлопал себя по штанам: всё ли тут?
И девчонке хмельной подмигнул, баламут:
 Доберемся, допляшем, доскачем!

Между Бери и Нориджем путь нехорош,
В снег и слякоть зимою его не пройдешь,
 Не видать на пути богомольцев.
Но смотрите: кто там по дороге бредет,
Не бредет, а танцует — вперед и вперед —
 Под веселый трезвон колокольцев?
По канавам и ямам, колдобам и рвам
Он танцует, как Робин с его Мариам,
 Окруженный толпой добровольцев!

И настал достопамятный в Норидже день,
Мужики из далеких пришли деревень
 Посмотреть, что за мученик хренов,
И, танцую, танцую, наш Вилли прошел
От Сент-Джайльских ворот до ступеней в Гильдхолл,
 Где был встречен толпой джентльменов,
И его принимала норфолкская знать,
И сам нориджский мэр подарил ему пять
 Самых лучших своих соверенов!

Я добрался до Нориджа за два часа,
Трижды мраком окутывало небеса,
 Трижды радуга в небе вставала;
Только вышел на площадь – посыпался град,
Три последних такси отвалило подряд
 Предо мной с остановки вокзала;
Оглянулся – ни друга в пространстве пустом:
Лишь одна, притворившись увядшим листом,
 На ступенях душа танцевала.

* * *

Мухи одиночества жужжат.
Так жужжат, что стекла дребезжат.

Медленно переползают по столу,
Словно рану старую гноят.
Сгонишь их отсюда – как апостолы,
На другой конец перелетят.

Далеко ты, синь генисаретская,
Праздник хлеба, неба и волны!
Никакими крохами не брезгуя,
По пустыне странствуете вы.

Крылья пыльно-серые, как рубище,
Слитный надрывающийся гул...
Эту землю мусорную любящий,
Кто ваш бог – Иисус или Вельзевул?

Так проклятье в вас или пророчество,
Наказанье или благодать?..
Вьются, вьются мухи одиночества,
Не дают себя пересчитать.

* * *

Наступает это время,
это время наступает,
что зовется время оно, —

наползает, окружает,
громким кликом угрожает:
где мой друг и оборона?

Там, где я тебя оставил,
на поляне между пнями
ползают жуки с рогами,

ползают жуки с рогами,
беспощадные с врагами.
гром гремит за облаками.

Друг мой верный, полк засадный,
видишь, мне нужна подмога —
подступает вражья сила.

Или сном тебя сморило
на фиалковой поляне —
или ты меня забыла?

Не поможет ельник черный,
не поможет луг болотный,
не поможет стяг закатный,

только слез твоих криницы —
перед гибелью напиться,
друг мой верный, невозвратный.

Глядя на черную метку

Глядя на черную метку
В дрогнувшей слабо руке,
Вспомню Казанцеву Светку
В белом пуховом платке.

Лестницы черной ступени,
Чьи-то шаги наверху,
И за решетками – тени,
Тени на белом снегу.

Жар этот сбившийся, козий,
Рыжий на лбу завиток
И на сибирском морозе
Брызнувших слез кипятков.

Сердца безумные вольги –
Их не остудит сугроб,
И на горчичниках желтых
Страстные письма захлеб...

Светлые эти страницы,
Кадры немого кино, –
Вам, отпылав, превратиться
В черный квадратик дано,

В черный сгоревший квадратик,
Память вместивший огня, –
Так, как один Математик
Выдумал с первого дня.

Два сна

Много вещей снов я видел в детстве,
два из них запомнились навеки.

Первый:

гонится за мною ведьма.

Вижу снег крупитчатый, искристый,
тьмы провалы между фонарями...

Я на саночках по улице заледенелой
мчусь — никто меня не тянет —
ни отец, ни мать — сам за веревку
дергаю и мчусь,

а ведьма догоняет.

Сон второй — он с небольшим прологом,
как баллада Оссиана, — прилетело
воронье, расселось на деревьях,
и скрипят, сгибаются деревья, как от ветра,
и кричат вороны... Дальше...

Отрок я, дерзающий, но робкий;
я вхожу в пещеру, где мужи пируют
вкруг огня высокого, большого,
пьют ковшами пиво, жарят мясо.

Подхожу: все взоры обратились
на меня. Под смех и восклицанья
самый главный, самый сильный воин
подаст мне жареное мясо
на конце меча — чтоб снял зубами.
Я шагнул вперед — но оступился —
и упал на меч, от жира скользкий!

Закричали мерзостные враны,
поднялись с деревьев, заплескали
черными крылами...

Значит, боги
нас предупреждают изначала,
ставят знак на скользком повороте,
чертят руны на чужих обоях,
как немые — пальцами, губами
объясняют что-то — и впадают
в гнев, когда мы их не понимаем.

Отблески

*

прозрачная
еще не помутнела
еще не заросла ты ряской жизни
я вижу
как сильно сердце плавает в тебе
как поворачивает резко и упруго
хвостом размахивая золотым
могу часами за тобой следить
как кошка

*

Ищу тебя вечерами,
иду от огня к огню:
шумят, веселятся, пляшут.
Я знаю, ты где-то тут,
но подхожу к костру —
смятенье, шепот, испуг,
какая-то перебежка,
и вновь тебя прячет ночь:
так прячут девушек юных
от захмелевших солдат
в захваченной деревушке.
Проклятье! Иду на берег,
валюсь на холодный песок,
и море мне дышит в лицо
своею солью и гнилью.

О Зимнее Небо! О Ночь!
О Золотые Созвездья!
Ужели я не смогу
смесить из вас, как Господь,
свою светлокудрюю Еву?
И вспыхивает мое сердце,
озаряя на миг темноту, —
и гаснет на ветру,
как отсыревший факел.

*

Крестьянин режет хлеб и режет сыр
Не торопясь. А рядом на инжир
Щегол садится: клюнул воровато,
Порх! — и умчался ввысь. Полу халата
От крошек отряхнув, старик встает,
Подходит к дереву, срывает плод
Поклеванный, кусает и глотает...
И вскрикивает вдруг — и улетает...

*

У тебя в глазах живет снежинка —
Отраженье лампы или люстры —
Вроде грошика с арабской вязью,
Или буквицы в ирландской книге,
Или кольцевого лабиринта
На странице детского журнала:
Вход он — вот он, отыщи-ка выход.
...Выхода пока не отыскалось.

* * *

Голова лежала на плече,
как чугунное ядро на палубе эсминца.
Что ему, ядру, под утро снится? —
Черный Роджер на ветру,
три пробоины в борту —
или сколько там пробоин?
Бедный, храбрый мой Аника-воин!..
Тяжела твоя мне голова,
словно горя сто пудов ношу я.
Разбужу тебя, растормошу я...

Шевельнутся серые глаза —
скрипнут бешеные тормоза.

Благовещение

Вестник лилию держит в руке, как свечу,
Чтобы не обознаться — та ли дева пред ним,
Чтобы не принять служанку, рабыню — за госпожу;
Промах (он знает) будет непоправим.

Дева потупилась, будто томима виной, —
Не понимая, к чему испытующий взгляд
Странника — и отчего у него за спиной
Эти огромные светлые крылья блестят?

В левой створке Иосиф строгает и ходит угод;
В правой створке гора и над нею виденье Креста;
Ангел решил: вот сейчас он колени согнет
Перед невестою — и разомкнутся уста.

* * *

Глаза твои колкие как колосья
я слышу их шорох перед грозой
глаза твои колкие как колосья

Забрось в меня синие эти зерна
в сухую бесплодную почву сердца
глаза твои колкие как колосья

Они не взойдут никогда я знаю
посеянные между светом и прахом
глаза твои колкие как колосья

О черные жернова созвездий

Январь

Как хорошо проснуться одному,
смотреть, младенчески не узнавая,
на белый потолок своей пещеры,
на ослепительный холодный день,
снега, деревья, гаражи и трубы,
на елку праздничную, как Иосиф,
наряженный на пир, — за Рождество
перевалившую, а там уж скоро
и Старый Новый год, и непонятно,
что дальше делать — праздновать, пенять
на календарь — или, навьючив сумку
на ослика седого, отправляться
в тот край, где ласточки не лепят гнезд,
а только вьются меж рекой и небом;
где корни пышных пальм, как когти грифов,
в земле сжимают ребра мертвецов;
где даже посох, воткнутый в песок
(как сказано в одной старинной книге),
тотчас же «леторасли и листочки
пускает, а порою и цветет...»

* * *

Снова небо вспомнил я ирландское,
Обижанье вперемешку с ласкою:

Словно мать, присевшая на корточки,
Утирает слезы детской мордочки.

Мокр в ее руке платочек скомканный,
Над его лицом ее — как облако,

От чьего малейшего движения
Происходит плача продолжение

Или слез мгновенных высыхание,
И улыбка — и в носу дыхание.

* * *

А этот человечек с хвостиком,
что заявиться в мир намерен,
но, будучи в душе агностиком,
ни в чем особо не уверен, —
мир дан ему лишь в ощущениях,
и если в нем живет догадка
о неких новых измерениях,
то неосознанно и шатко...

Еще он, как монах с котомкою,
дойдет в своих мечтах до края
и голову просунет, комкая
пелены и завесы рая;
и, зреньем ярким огорошенный,
небес ошеломленный славой,
о коей прежде знал не больше он,
чем левая рука — о правой, —

что он, зверек метафизический,
почует в первый миг свободы,
счастливо избежавший вычистки,
прошедший все круги и воды, —
уже решивший биться внаглую
за дар случайный, бесполезный, —
что он поймет, увидев Ангела,
державшего его над бездной?

Черный ангел

Из Эудженио Монтале

О черный ангел огромный,
возьми меня в тень своих крыльев,
чтоб мог я промчаться над колющими
кустами терна, над трубами
горящих печей —
и встать на колени
пред черными головешками,
остатками обгоревшими
твоего оперенья,

О маленький ангел смуглый,
не земной и не божий,
полупрозрачный ангел,
меняющий каждую секунду
цвета свои и очертанья —
в мелькании вспышек, похожих
на бред и на озаренье,

О страшный ангел, раскройся,
впечатайся в меня насмерть,
но не убей своим блеском —
ведь беззащитны зрачки
перед сверканием ночи,
о ангел обугленно-черный,
укрывшийся под навесом
торговки, что жарит каштаны.

О ангел, как черное дерево,
в скитаниях потемневший, —
крылом шевельни или скрипни,

чтобы я мог узнать тебя —
как узнаю во сне
и наяву, — щель меж ними
ушка игольного уже —
любой верблюд и двуногий
в ней непременно застрянет;
и эта сажа на пальцах —
остатки того, что сгорело, —
ничтожнее, чем дуновенье
крыла твоего, ангел дымный
и пепельный, маленький ангел,
похожий на трубочиста.

Гамлет-2001

Гертруда, вливающая в уши сыну отраву;

Офелия, путающаяся с королем, его сыном и братом,
с кузеном и дядей, со стражниками на стене
и могильщиками в яме;

Гамлет, крадущий у отца шкатулку с письмами,
чтобы их подменить;

Череп Йорика, вспоминающий, как он тешил
и веселил неблагодарного принца;

Лаэрт, не желающий поднимать выбитую у него шпагу;

Три Горацио, беспрерывно удивляющихся.

Бирнамский лес

(2004–2007)

Прощание Белого Рыцаря с Алисой

Секунда, ты еще не перешла ручей...
Остановись, замри в сиянии полудня –
В ромашковом венке, в короне из лучей...
Чем дальше от тебя, тем глуше и безлюдней.

Не я ль тебя учил как мертвая стоять
И, что там ни случись, терпеть, не шевелиться.
Что вечности дала промчавшаяся рать?
Разводы на стекле и смазанные лица.

Чем дальше от тебя, тем злей и холодней.
Не знаю отчего. У Смерти много дней,
У Времени – веков, у Зла – тысячелетий.

А ты моей душе была родной сестрой,
Моей зеркальной, послушливой мечтой,
Второй из половин. Не первой и не третьей.

* * *

Что может быть естественней скульптуры —
любой, хоть самой глупой? После многих
забытых — и не надо вспоминать —
попыток стать иной, второй и третьей,
она влилась в изгиб последней формы,
застыла и утешилась. Глядите,
как счастлива она, — хоть острый взгляд
заметить может напряжение пальцев,
подрагиванье века и в лопатках
желанье почесаться о кору
растущей рядом кособокой липы, —
но это только мнительность и нервы
прохожего, идущего своей
сомнительной дорогой, а она
уже пришла —

Одинокий

Этот человек гуляет один вечерами.
Он неотличим от других прохожих —
Кеды, куртка, кашне в полоску.
Ходом шахматного коня он обходит доску.
Эту партию он может играть вслепую.
Приближаясь к очередному киоску,
Морщит лоб и достает папироску,
Дым пускает и держит ее в кулаке, как дулю.

Этот человек гуляет один вечерами.
Сколько лет ему, сколько зим — неизвестно.
Хорошо, что никто не лезет к нему в кастрюлю,
Не проводит пальцем по зеркалу гардероба.
Вечерами — в час, когда тени встают из гроба,
Он выходит во двор, достает из кармана пачку,
Огонек зажигает торжественно, словно свечку, —
И выгуливает свою невидимую собачку,
И пасет свою заблудившуюся овечку.

Маятник

Как олово холодное, блестит
Луна над спинами кариатид
В ночном окне, и тишина лилова.

Раскачивает маятник свой диск
С опаской, словно взвешивая риск
Готового уже настать иного.

И ты лежишь, хладея и дрожа,
И ждешь, как царь — начала мятежа,
Рассветного сигнала и укола,

Когда последний совершится взмах,
Взорвутся мускулы — исчезнет страх —
И Время превратится в Дискобола.

Бирнамский лес

Когда Бирнамский лес пойдет на Дунсинан,
Лишь форменный барон застынет как баран
И будет пялиться, в упор не понимая.
Не лес ли поглотил становища древлян,
Палаты конунгов, землянки партизан,
Ацтеков города, дворцы и храмы майя?

А ты, подлесок мой, глядящий храбрецом,
С игрушечным в руке упругим копьемом,
С беретом наотлет кленового фасона, —
Как петушишься ты, зеленокудрый паж,
Как рвешься отомстить, легко впадая в раж!
О, не волнуйся! Ты — один из легиона.

За вами верх всегда; за нами только низ;
И бальзамический порою только бриз
Доносится сюда, рукой травинку тронув.
О сладкий фимиам, трепещущий в ноздрях!
Он обнимает все — бессмертие и прах,
Гниенья аромат и запах анемонов.

И так ли важно знать, навеки взор сомкнув,
Кто отомстил тебе — отчаянный Макдуф,
О коем наплела шотландская сивилла,
Твой давний смертный грех, записанный в гроссбух,
Или сомнения неугомонный дух,
Или гектаров шесть простого хлорофилла?

На рассвете

На рассвете не хочется просыпаться,
так на ложе дремно, так тихо в доме...
Андромахе снится прекрасный некто —
может быть, супруг ее, мертвый Гектор,
но легко обознаться.
Спит зегзица в душе, воробей в соломе.

В этот час козырная приходит дама
к неудачнику — и он ставит на кон
все свои добытые кровью фишки,
проплывает труп мимо черной вышки,
во дворе у храма
умывается из рукомойни дьякон.

Крепко спится на рассвете ворам, бандюгам
и сирени, которую не ломают,
таракану, спрятавшемуся в дырку.
Бог на небе берет деревянный циркуль
и обводит кругом
этот мир, и в кровати дитё играет.

* * *

Ты из глины, мой хрупкий подросток,
Голубой, неуступчивый взор;
Чуть заметных гончарных бороздок
На тебе различаю узор.

Я – другой, я не слепленный – сшитый,
На груди – самый яркий лоскут,
Потому что твой дурень набитый,
За таких двух небитых дают.

Ты с тревогой глядишь бесконечной
И с любовью, забытой давно.
Обо мне не печалься – я вечный,
Как военной шинели сукно.

Мы с тобой жили-были однажды,
Век пройдет, и тебя уже нет.
Значит, буду томиться от жажды
Миллионы мучительных лет.

Потому что взята ты из праха
Для земного – врасплеск – бытия,
А меня изготовила пряжа,
Бледный лодзинский ткач и швея.

Сказка

Что-то в черепе скрипит:
Видно, богатырь не спит.
На полатях без конца
Поворачивается.

Что ты, богатырь, не спишь,
В черепе моем скрипишь?
Ходит чашей круговой
Звездный ковш над головой.

Что, детина, сердце жжет?
Конь у тына тихо ржет;
И все кустики видны
От порога до луны.

ОЛОВО

Кто я — тайный луддит или, может быть, просто лудильщик,
отчего так томит меня жалость к дырявым кастрюлям —
старым, странно похожим на этих забытых людишек,
оловянных солдат в одиноком своем карауле?

«Что такое со мной?» — все твержу я, бродя лопухами
по задворкам чужим, между полем капустным и свалкой,
и в груди нарастает горячее что-то — не пламя,
а как жар в зольнике: и не горько, не больно — а жалко.

Вот когда я смогу, пред чужою калиткою стоя,
попросить хоть прощенья, хоть хлеба кусок; но достойней
заплатить за прощенье и хлеб оловянной слезою
жестяному ковшу или тазу под рукой.

Хлеб сжую и прилягу в прохладную опаль забвенья
меж окопником синим и шелестом болиголова;
ибо свыше нам велено спаивать всякие звенья,
и холодное олово проклято так же, как слово.

Двойная флейта

Памяти С. А. и М. Г.

Слышали жители маленькой цитадели,
как на рассвете в воздухе пчелы гудели,
или не пчелы, но в воздухе что-то дрожало,
полнился воздух пеньем какой-то свирели
или стрелы оперенной, чье горькое жало
жаловалось, не достигая трепещущей цели.
Ноющий звук постепенно затих у постели.
Утро настало.

Видели пастыри мирно дремавшего стада,
навзничь улегшись на черно-мохнатые шкуры,
как над холмами вставала созвездий громада —
арка над аркой — веда, как за грани кристалла,
в даль, недоступную для человеческого взгляда;
даже и жадное око следить их устало.
Вот и погасли, один за другим, Диоскуры.
Утро настало.

Или и впрямь для того должен череп развиваться,
как говорил Мандельштам, «от виска до виска», чтоб
всякий дурак любознательный мог убедиться,
что и с Платоном случается то же, что с каждым?
Или не вздрогнет вселенная вся от крушенья
малой вселенной, что эту, большую, вмещала —
даже с избытком? И нет его, нет утешенья.
Утро настало.

Серое утро. И что ему, утру, за дело,
что раздается все ближе топор дровосека,
что еще сыплются уголья, что догорела
только что Александрийская библиотека.
Жарят на шомполах воины Улугбека
мясо барашка. Где же ты, о Филомела?
Едешь ли ты через реку, таинственный Грека?
Едешь. И слышу я — флейта двойная запела.

* * *

Я столько умирал и снова воскресал —
И под ударами таинственных кресал,
Перегоревший трут, я одевался снова
В эльфийский плащ огня, в халат мастерового.

И я смотрел в костер, как в зеркало вдова,
И в пепле находил забытые слова,
И вырывал себя из собственной могилы,
Скребя, как верный пес, когтями грунт застылый.

Я прожил жизнь мою, и к смерти я привык,
Как к шуму времени — сутулый часовщик
Или как пасечник в своем углу веселом
К носящимся вокруг шальным и добрым пчелам.

В защиту музыки

Л. Л.

Вем только, встарь говаривал Сократ,
что ничего не вем. И был стократ
он прав, Сократ: увы, мы не вельми
горазды весть, рожденные людьми.
Побольше б нам, собратья по перу,
собравшись у Сократа на пиру,
пить да поменьше языком молоть.
А чтобы веселей прошел обед,
сыграй, сыграй, миляга Никомед,
какую-никакую нам мелодь!
Твой музыкальный с дырочкой снаряд
не врет, и лаконический наряд
рабыни привирает лишь слегка;
и змей не врет — развилкой языка;
и свет не врет,
и смерть,
и створки врат
не врут, когда приходит в город враг;
и ветер в поле не разносит врак;
и эта уморительная плоть
не врет — нога, рука, желудок — вплоть
до самого последнего прыща,
не врет и сердце, слева трепеца;
сморгнется нос или глазок сморгнет —
ни глаз, ни нос не врут. И только рот,
как титьку бросит в годик или два,
так и пошло: слова, слова, слова.

Смерть в Нью-Джерси

По радио передавали джаз.
Синоптик звал на пляж. Предупреждали
О пробках на шоссе. Шеренга книг,
Как водопад, переливалась с полок
На стол и со стола – на пол. Над ними
Луч солнца нависал – широкий, пыльный,
Как потолочный брус. Он все держал.
Погода соблазняла и шептала...
Зачем же дверь осталась заперта?

Дух лета, залетев через окно
И никого не обнаружив в спальне,
Преследуемый духом любопытства,
Проследовал на кухню. На плите
Кипело кофе. Солнышко в два глаза
Подмигивало со сковороды.
И стол манил, как отдых на Бермудах.
Там на матрасике ржаного хлеба
Лежала загорелая сардинка.
Бокал с ней рядом был слегка пригублен.
Она ждала, она была прекрасна.

Но если бы вам вздумалось пройти
От двери к спальне, вы б на повороте
Споткнулись...

Дуб над Гудзоном

И. М.

Мы с тобою сидели на ветке огромного дуба
Над Гудзоном. Какая-то зеленая дума
Шевелилась под нами, а вверху голубели
Очи Цезаря, казалось, искавшие *causa belli*.

Все сильней припекало. Нью-Джерси напротив
Был похож на противень с горячим печеньем.
Неизвестный индеец в пироге боролся с теченьем,
И несло по реке разноцветную кучу лохмотьев.

Мы сидели на ветке огромного дуба
Со своим самоваром. Ты на блюдечко дула,
Я на блюдечко дул — и взаимная сила
Ветерков остужающих пламень июльский гасила.

И сидела там вещая птица по имени Сирин,
Изучавшая русский язык у московских просвирен,
И глядела на нас подозрительным девичьим оком:
Это кто же такие сидят к ней не прямо, а боком?

И на той же на ветке сидели, как цирк погорелый,
Блок, Бердяев, кусачий Кузмин и взлохмаченный Белый;
Самовар наш над бездной гудзонской пофыркивал гордо:
Так вскипает вода в радиаторе черного «форда».

Я теперь вспоминаю о том Лукоморье турецком,
Как ямщик, замерзая на снежном ветру москворецком.
И сквозь сон повторяю упрямо и глупо:
Мы с тобою сидели на ветке огромного дуба...

Внук

О девушка в метро с потекшей тушью,
ты, к двери отвернувшаяся тут же, —
не плачь, твоя мечта осуществится
о чистом, добром и прекрасном принце.

Лишь запасись терпением верблюжым,
помайся с черствым и бездарным мужем,
с крикливой дочкой и тяжелым зятем,
стань ведьмою, привыкшею к проклятьям.

И вот, когда и тень надежды минет
и лик старухи глянет из колодца, —
тогда-то невозможное — начнется:

он подойдет к тебе с охапкой желтых
кленовых листьев и тебе протянет
сокровище свое — и засмеется;

и черный лед в душе твоей растает,
и этого сам дьявол не отымет.

Слова

По ночам — замечали? — слова изменяются дивно,
Они больше не хитрые васи, глядящие в щелку.
Их зрачки разгораются, как у волка,
Они смотрят на форточку дико и неотрывно.

Они пробираются по карнизам, скатам, изгибам
Крыш — куда-то на место сбора, на место совета.
Трется шерсть об янтарную палочку лунного света,
И трещит электричеством, и поднимается дыбом.

Слово смотрит на слово, и загорается страстью,
И уже не знает, что было, не помнит, что будет,
Лишь протяжно, надрывно тоскует распяленной пастью
И кошачью башку свою небу подносит на блюде.

А наутро плеснут ему в плоску обещанной дряни
И — не путайся под ногами, босяк, брысь под лавку.
А хозяин — с устатку — весь день промолчит на диване,
На стене созерцая какую-то трещинку или козявку.

Старая песня, пропетая вновь

И мы, как Меншиков в Березове,
Читаем Библию и ждем.

М. Кузмин

Как Меншиков в Березове,
Хочу с тобой сидеть,
На твой платочек розовый
Без усталы глядеть.

Душа найдет компанию,
И что тогда родней,
Чем та избенка с банею
Да темный бор за ней?

Прошли царицы пряники,
Забудь о них, жена;
Пусть их едят охранники
Казенного пшена.

Пусть звезды генеральские
Над соснами горят —
Цветы в окошках райские
Нам ангелы творят.

В печи дрова березовы,
Да на столе свеча,
Да твой платочек розовый
У моего плеча.

Художник

С. Любаеву

Я долго к зрению привыкал;
Оно во мне как будто зрело,
Когда в толпе живых зеркал
Я озирался оробело.

Я выростал, но много лет
В порывах льющегося света
Еще я видел не предмет —
А облако вокруг предмета.

Как поздно мне открылся мир —
Как будто только я проснулся,
Как будто вправду серафим
Крылом моих ресниц коснулся.

И я теперь, глаза закрыв,
Козу и девочку босую,
Как некий воплощенный миф,
Перстом горящим нарисую!

Королева Маб

Все это плутни королевы Маб.
Она в конюшнях гривы заплетает
И волосы сбивает колтуном,
Который расплетать небезопасно.
«Ромео и Джульетта»

Все дольше сплю, а просыпаюсь чаще —
Испуганно, — и сердце будто в яме, —
Как твой Фальстаф, с открытым ртом храпящий;
И лоб в поту, и мысли колтунами.

Зачем ты все запутала так жутко,
Что, как к спасенью, я тянусь к отраве? —
Дрянная Маб, злодейка, баламутка! —
И сна уже не отличу от яви.

Зачем ты мне в глаза, как вечность, дуешь,
И лоб щекочешь лапкой паучиной,
И на губах, как бабочка, колдуешь,
Клянясь, что больше ни с одним мужчиной?

Зачем вливаешь в уши небылицы,
Глумясь над правдой самую святою?
Зачем на плотно сжатые ресницы
Мне каплешь муравьиной кислотой?

Зачем я сам за нить хватаюсь жадно
И выхода ищу из подземелья?
Но все напрасно — ты не Ариадна,
Смущение мое — тебе веселье...

Дурачь, как хочешь, сонную тетерю,
Мне не распутать этих чудных каверз.
Я сорок тысяч раз тебе поверю
И сорок тысяч раз потом раскаюсь.

Я стены возведу и рвы наполню,
Я соберу обид своих дружины!
Но все напрасно — ты не удержиша.
Я проиграл — я ничего не помню...

Как рыба, я хватаю скользкий воздух.
Но сколько можно доверяться юбке?
Скачи отсюда на жуках навозных
В своем возке — ореховой скорлупке!

Шлюз

сперва это было свечение
разлившееся по паркету
как лужа лунного света
или потоп из ванной

оно поднималось все выше
подтапливая ножки стульев
потом залило одеяло
подушку и спинку кровати

неведомое прибывало
пронзительнее чем жалость
прозрачней и глубже печали

он ждал как ждет водолаз
пред выходом из субмарины
пока не заполнится шлюз

и не откроется выход

Лебедь

Не люблю я природу, родную природу,
Мне не нравится лебедь, ныряющий в воду
С очевидною целью набития зоба;
Если лебедь с подругой — не нравятся оба.

Птица-двойка, невинного бич ангелочка,
Мне милей; подгреби к ней ничтожная точка,
Плюсик маленький, крохотная запятая —
Лишь зрачком поведет, никого не глотая.

Двойка мне симпатичней, чем лебедь, — за то, что,
Как душа, с матерьяльного снятая кошта,
Незлобива, рассеянна и бескорыстна:
Птичка Божия, сущая ныне и присно.

* * *

Снег заменяет горожанам горы,
покинутым влюбленным — поцелуи,
неверующим — церковь. В декабре,
покинутые светом, мы живем
замерзшими личинками сиянья.

Снег — лестница Иакова. По ней
нисходят ангелы, которых любим,
и, с нами побывав,
восходят вновь во тьму над фонарями.

Слепи себе другого человека
и, прутик в руки дав, оставь стоять
перед подъездом — чтобы о тебе
он, как о существе другой природы,
всю ночь, всю ночь томился и горел.

В переулке

Он пал на дно. Его никто
Не любит больше и не гладит.
Он не винит ее! Годо
Он ждет и на газоне гадит.

Свою тоску он пережиг
И пережил свою невзгоду
И выбрался на бережок,
Где память вытряхнул, как воду.

Лохмат, одышлив, полусед,
Он часто спит и редко брешет.
И все глядит на белый свет
И голову ногою чешет.

Ломаный сонет

Я встану сегодня утром
и выбегу за газетой:
наверно, прочту в газете,
зачем я живу на свете.

Зачем я живу, как будто —
как будто мне не объясняли
Платон, Лао-Цзы и Будда,
как будто я сам не знаю,
что за морем так же худо.

Живем, словно силой пишем,
кричим, будто в трубы трубим —
и сами себя не слышим;
и краешком тела любим,
и перышком сердца пишем.

* * *

Слуги Черного квадрата
Силой голого числа
Смяли славное когда-то
Братство Круглого стола.

И взамен природы-дуры
С ветхим Солнцем и Луной
Учредили квадратуры
Гулкий ящик жестяной.

Кто залезет в этот ящик,
Тот найдет себе урок;
Там лежит свиначий хрящик —
Погрызи его, сынок!

Рождество в городе

Ярче тысячи солнц сверкает реклама колы
в школах девственниц начинается ночная продленка
шире тысячи шин накатанная дорога
ах как рвутся туда где громко и утром ломка

Не ходи на болото ночью один там страшно
водородные бомбы взрывают в игорных залах
в переходах собачьи стаи а в тех подвалах
где нас нет подают в бокалах чумные брашна

На огромном экране мечутся заяц с волком
их сменяет толстая тварь в орденах и в бармах
проплывает ведьмочка мертвая в тихой лодке
по проспекту Калинина мимо свечей фонарных

Марсианские хроники ищут воды в аптеках
их присоски шевелятся что-то высчитывая или глотая
валтасаровы пальцы чертят знаки на стенах
но читает их только больной студент из Китая

Над вертепом торговли реют морские флаги
где фонарщики елки заматывают в моталки
и спуют бесконечно счастливые лотофаги
и шуршат лакированные черные катафалки

Невидимка

Он ждет на ветру – и чуть приоткроется дверь,
Юркнет в щель и спустится по ступенькам.
Он понимает, что его местожительство – Тверь
И всюду требуют деньги.

Посередине подвала подземные короли
Раков рвут, распарены и плечисты,
А по углам, словно крысы в щели,
Кофе пьют какие-то жулики и аферисты.

Невидимка знает секрет, но не откроет его
Ни за миллион, ни за сто миллионов,
Потому что людей – незначительное меньшинство
И повсюду полно наблюдателей из ООНов.

Он не хочет, как канарейка в клетке, сидеть,
Не желает, чтобы его брат милицейский лапал.
Он набрасывает ручкой на мокрой салфетке секрет,
Быстро комкает и бросает на пол.

Малтус

Утром приходит на рынок товарищ Малтус,
Он покупает в рыбном отделе палтус,
Ждет, пока продавщица запишет в смету
Новый товар и ответит настырным: «Нету!
Не было. И не будет». Он просит взвесить
Рыбку одну — а ему предлагают десять
В мерзлом пакете. Тогда он берет селедку
И, отходя от прилавка, толкает тетку,
Охает, дверью захлопнувшейся ударен,
Лезет в салон и слышит: «Небось не барин».
Жарит картошку с луком на постном масле,
Видит в окне напротив: открылись ясли,
И заползает в кокон, приняв асфена,
Чтоб там лелеять свои человеконена-
вистнические идеи. То жар, то знобка.
С улицы слышен вой вразнобой. Там пробка.

Гранд-канал утром

Жил один старичок у канала,
Всю жизнь ожидавший сигнала...

Благословим это утро и эту погоду.
Ходит серая цапля по кромке Большого канала,
Зорко всматривается в воду.

Но не ловится рыбка...
Если взглянуть с дирижабля,
Все это предстанет в миниатюре — цапля,
Скамейка и фигурка проснувшегося мизерабля,

Который, щурясь, пересчитывает на газетке
Свои совсем уже неразличимые сверху монетки;
Конечно, это не сдача с роллс-ройса,

Но на сэндвич и пиво хватит.
Еще поройся
В кармане — может быть, найдешь лишний грошик.
Это щедрый Гермес обронил, пролетая мимо.

Сотвори себе маленький домик между ладошек,
Чтоб затеплились в нем искра света и струйка дыма.

Дивлюсь на мемориал Йейтса в парке

Старье на палке — воробьев пугать.

У. Б. Йейтс

Сперва вас озадачивает это чучело —
эта изогнутая, как лопасть винта,
фигура с зачатками головы и рук,
похожая одновременно на джинна,
вылетевшего из бутылки,
и на огородное пугало,
собравшееся в пляс.

Но потом вы вспоминаете
спирали Йейтса,
его спиритическую Розу
и понимаете — сам напросился.
Никто в парке не обращает внимания
на этот кошмар —
ни утки в пруду,
ни молодежь,
перекусывающая на траве.

Но если взглянуть
в ином ракурсе,
не замечая
ни уток,
ни жующий народ,
ни даже целующуюся парочку,
загородившую пьедестал,
обнаруживается нечто иное —
сходство
с Самофракийской Никой —
в развороте сутулых плеч,
в крылатом порыве,
запечатленном
в каждом изломе
триумфального сна.

Философия деревьев

Среди деревьев тоже нет согласия
во взглядах на бытийственность природы.

Одни деревья, словно Аристотель,
указывают сдержанно на землю

движением повернутой ладони;
другие тычут пальцем, как Платон,

куда-то вверх. Кто прав? Как погляжу,
все правы. Но взлохмаченная тучка,

витающая в области небес, —
пушинка на аптекарских весах —

невольню нарушает равновесье.

Зачарованный сад

Я садовником родился,
Не на шутку рассердился...

Загадочный Вьюнок, ты — эльфа колпачок!
Ты — клада гномьего монетка, Маргаритка!
За вами чудится волшебная калитка,
Летучего кота мерцающий зрачок.

В траве беседуют Кузнечик и Сверчок,
Пугает рожками садовника Улитка;
И, обгоняя всех, замашисто и прытко
Порхает по цветам Набокова сачок.

Как я сюда забрел? И как теперь свернуть
В страну родных осин — скажите кто-нибудь, —
Где прошлогоднее гниет в сарае сено,

Где в тихом омуте — неведомая жуть,
Где у штакетника — чертополох по грудь
И королевский путь — в крапиве по колено.

Вечер поэзии в Тринити-колледже

Сила невежества, собранная в пучок,
Невероятна. Знающий себе цену
Старый поэт начинает дергаться, как дурачок,
В фокусе этих лучей, устремленных на сцену.

Между прочим, Фелица лучше бы поняла
Филида. Привычка к государственной скуке
И церемонии, вероятно, бы ей помогла
Дослушать «поэзии волшебные звуки».

Нет, я не за монархию. И не за
Анархию – скорее, за келью,
Где можно, никому не мозоля глаза,
Предаваться торжественному безделью.

Но если выходит поэт на амвон,
То он уже не таинственный некто,
А застрявший в ушах мушиный звон
Или хуже: объект, лишенный субъекта.

А
ВЫ
ВСЕ
ТЕ ЖЕ
БРАТЬЯ
ЕГИПТЯНЕ
И ВЕЧНОСТЬ
ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ

вы так же, как современники Тутанхамона. Нет ничего на свете вам дороже заботы о своем бесценном Ка. Библиотеки – ваши пирамиды, и переплеты – ваши саркофаги, журналы – погребальные пелены, хвала – тот бальзамический елей, который сохранит вас для потомков, немного сморщенных и пожелтевших, но в целом приблизительно таких же, нелепых и не нужных никому. Увы, вы заблуждаетесь, братья, ведь образ вечности – не пирамида, а вавилонский столп: чем выше он, тем зыбче, ненадежней и шатучей. Я говорю вам это по секрету, со всем доверьем, как масон масону, который по кирпичику учился и превзошел немало этажей. Прочтите тайное мое писанье и отойдите от столпа подальше. Вся мудрость в этом – чтобы отойти

как можно
дальше,
дальше,
дальше,
дальше...

Левконоя

Пускай бурлит молвой эфир,
Вскипая с каждой новой кнопкой;
Не верь, мой друг, когда кумир
Привычно льстит надежде робкой,

И не допытывай, какой
В газетах львам и козерогам
Сулят успех иль непокой;
Не должно смертному о многом

Знать наперед. Налей вина
Мне и себе — и будем здоровы;
Пусть взор туманит пелена
Душесмутительной отравы.

Так, славно! В брэнное стекло —
Немного пурпурного сока...
Что, право, мне на ум пришло!
Так хорошо и одиноко

Не горевать, не говорить —
Сидеть и пить вино хмельное
И, как о ласточке, грустить
О легконогой Левконое.

Персей

Не смотри ей в глаза — в них погибель твоя; но взгляни
В отражение ее на щите. Эта честная медь,
Как сивилла над чашей, покажет тебе без брехни,
Что в упор невозможно, очей не спаливши, узреть.

Твой начищенный щит, весь в царапинах, шрамах, рубцах,
На котором Арес, угрожая, подьмет копьё, —
Отразит нестерпимую злобу в горящих зрачках
И развитые змеями черные космы ее.

Взгляд Горгоны, ударясь в прохладный и твердый металл,
Отлетит под углом, Пифагору известным давно, —
Потому что ты столько в походах земных испытал,
Что не ведьминым чарам тебя одолеть суждено.

Над тобой — облака. Под тобою — морей синева.
На пятах окрыленных ты мчишь к Андромеде своей.
Меч у пояса, в сумке — отрубленная голова.
Черной ночью ее ты целуешь и плачешь, Персей.

Дух жизни

Ода

Ты, выбравший мой нос,
Как ласточка береговая —
Речной откос,
Шурши, живи, витай, не улетаю!

В закатные часы,
Когда так с тьмою слиться сладко, —
Как взмах косы,
Промчись перед моим лицом, касатка!

Тобой я только здрав!
С тобою в захолустье мира,
Наследник древних прав,
Я царствую, я — председатель пира.

Блаженный, как Адам,
Из глин твоей слюною слеплен,
Я — словно храм,
В котором некий смутный свет затеплен.

Влетай и вылетай
Сквозь окна — там, вверху, под сводом,
Где явлен рай,
Обещанный бесчисленным народам.

Когда же звездочет
Зло проречет — и та, что мечет
Костью, не чет
Вдруг выкинет передо мной, а нечет,

Взлети в последний раз,
В заоблачны стремясь пределы,
И кань из глаз,
Осиротив мой нос похолодельй.

Лунное

Что там в небе так чудно кружится?
Это месяц, мой друг, просто месяц.
Посмотри на него сквозь ресницы —
видишь, сколько веревочных лестниц
он спускает для тех, кто хотел бы,
кто, устав от земного, желал бы
прогуляться сегодня на небо
наподобие белых сомнамбул?

Погоди — еще тень в подворотне
оказалась всего только тенью,
еще светит нам вечер субботний
по колодезной щуки веленью.
И так пылко, так зыбко сияет
этих звезд сумасшедшая горстка —
как сугроб тополиного пуха,
подожженный рукою подростка.

Что сегодня — весна или осень?
Это осень, мой друг, это осень.
Хочешь, мы у прохожего спросим,
что сегодня — весна или осень?
И прохожий, смутившись, ответит:
«Я не знаю... забыл... извините...»
И посмотрит туда, где в зените
что-то греет, хоть холодно светит.

Что-то греет еще, что-то веет,
как смычок, в этом воздухе ветхом,
и еще рассыпают нам пенни,
коронуясь, кленовые ветки.
Ну давай еще малость побродим,
пошуршим этой звонкой листвою,
потолкаемся рядом с народом,
улетающим вместе со мною...

На переход Суворова через Альпы

Играют волны, ветер свищет...

Специалист по выживанию
в условиях мелкого дождика,
кропящего тротуар и скамейки,
я не понимаю ваших
трансатлантических амбиций
и не собираюсь залезать в эту галошу
с неприлично огромным парусом.

Неутомимый носильщик
асимметричного листика,
зеленого или желтого,
я и не подумаю взгромождать
на свои плечи
эту байдарку, похожую на гроб,
из которого выпал покойник;
вы вообще когда-нибудь
оглядываетесь назад?

Вес пастушьей сумки —
самое тяжелое,
что я согласен поднять.
Молоко одуванчиков —
самое горькое,
что я могу претерпеть.
Поливальная машина —
самый страшный кит
на земле.

Кулибин

Шел Кулибин улицей пустынной,
Вдруг он слышит топ и лай из мрака:
За стопоходящею машиной
Мчится пятистопная собака!

Говорит механик ей с укором:
«Для чего тебе дер фюнфтер нбга?
Фир есть для собаки полный кворум,
Фюнф, помилуй, это очень много».

Отвечает странная собака:
«Вифель километр до Калуга?
Хорошо, передохнем, однако,
Чтобы лучше нам понять друг друга.

Кто виновен, если разобраться,
Что должна я жить с ногою пятой?
Ведь на четырех мне не угнаться
За твоей машиною проклятой!

Нет теперь ни лебен мне, ни либен!» —
Тявкнула — и вдаль умчалась сучка...
И остался в темноте Кулибин —
Гениальный русский самоучка.

Табакерка

Give me women, wine and snuff...

John Keats

Поэт: Не хочу вина и женщин;
Дайте мне стихов понюшку
Из старинной табакерки:
Сразу расчихаюсь в рифму,
Как священник деревенский
На обеде у милорда.
Сладкий воздух деревенский!

Сосед: Что за скверная привычка —
Не любить вина и женщин,
Быть как черная сутана
Среди панталон в обтяжку
И жилетов разноцветных.
Чертовая табакерка!

Поэт. Что такое стих? Щепотка
Пыли, едкой и вонючей,
От него в носу щекотка.

Сосед. То ли дело рюмка водки,
Трепыханье юбки женской;
Летний день такой короткий.

Оба: Чертовая табакерка!
Сладкий воздух деревенский!

Инструкция по выживанию

Часть II

Говорили: грядет, и она настала;
Может быть, вам, друзья, показалось мало?
Может быть, вам она показалась серой
По сравнению с прежней, ушедшей эрой?

Ничего не серой... Какие краски
На рекламах шампуня – протрите глазки.
Надо думать, что думают в банке деньги,
А не то, что юнга на бом-брам-стеннге!

Время – этот проселочная дорога,
На которой встречаем мы Носорога.
И не надо его щекотать под брюхом,
Если даже и впрямь он из нищих духом.

Так поешьте новых, полезных клеток,
В штамповальный кружок запишите деток.
Но не рвите жил, хлопоча о малом,
И – читайте книжки под одеялом.

Беременный ангел

Приятная эклога на небесах

Первый ангел

Мне кажется это уж месяца три,
Что что-то во мне появилось внутри.

Второй ангел

Из чистого света мы все созданы,
Сосисок не просим, не носим штаны.

Первый ангел

Мне зябко, мне страшно, всем телом дрожу,
Мне кажется, ангел, я скоро рожу.

Третий ангел

Товарищ, товарищ, не надо родить,
Уж лучше в капусте детей находить.

Четвертый ангел

Вот склянка с бальзамом, испей из нее,
И все рассосется несчастье твое.

Первый ангел

Не надо мне склянки! Пойдите вы прочь!
Я знаю: родится прекрасная дочь.
Надеждой России ее назовут;
Окончив родной областной институт,
Догадлива сердцем, любезна, умна,
Народной избранницей станет она.

Из губок приятных приятная речь
По праздникам будет из ящика течь.
Изглядятся шрамы раздоров, обид,
Русак и татарин, калмык и джигит —
Посадят деревья, устроят завод,
Почтят стариков, приглубят сирот.
Все станет по чести решать, по душе
Посланница неба в земном шалаше.

*Второй, третий и четвертый ангел
(вместе)*

Спокойся, мы верим: права ты во всем.
Поспи! Мы компоту сейчас принесем.

Конец

* * *

Привет вам, новые ворота!
Люблю порой на вас смотреть,
Люблю порой и с разворота
На вас башкою налететь.

Промчится ветер, хладом вея,
Повянут листики травы...
А вы год от году новее,
Год от году страннее вы.

Поклон Эвклиду

(2008–2010)

Да не войдет сюда не знающий геометрии.
Надпись над входом в Академию

* * *

Шершавая весна. Половичок,
Прижатый ветром к выгнутой решетке
Балкона, как худая рубашонка
К торчащим ребрам нищего,

взлетает

И падает во дворик.

Пыль и солнце,

И шелушенье губ, и отвращенье
К снующим в небе некрасивым птицам.
Все к одному — все сводится к одной
Брезгливой мысли — нежеланью жить,
Брить морду, умываться и стареть.
А тут еще весна на горизонте,
И гарь, и отключение воды —
Сперва студеной,

а потом вареной...

Еppur si muove

Фантасты знают, время обратимо:
ты смотришь в зеркало — и постепенно
деревенеешь, словно Буратино,
который превращается в полено.

Еще моргаешь ты, и капают слезы,
но проступает вдруг иная фаза,
и больше нету ни ушей, ни носа,
лишь круглый след сучка на месте глаза.

Лишь мысль еще в потемках копошится,
бубнит и роется в трухе и прахе.

А все-таки, скажи, она вертится!

— Как голова, катящаяся с плахи.

* * *

Бетономешалка под самым окном
Мешает, мешает, мешает уснуть,
Рычит, и урчит, и гудит гудуном,
И крутит, и мутит рассветную муть...

Мешает, — и кажется, сам я в замес
Уложен и в вязком растворе меня
Шатает, мотает, креня и гоня,
И месит, и бесит неведомый бес.

С трясушкой в теле, с надрывом всех жил,
С большой погремушкой взамен головы —
Попробуй расслышь трепетание крыл,
Шуршание сфер, прозябанье травы.

Шарманка моя, лихоманка моя! —
Я к зеркалу лбом воспаленным приник, —
О, сжался, бетономешалка моя,
О, дай мне покоя хотя бы на миг!

Но крутит и крутит стальную бадью,
И будит, и трудит, и нудит терпеть.
Я понял, я принял музыку твою, —
Играй, мое горе, а я буду петь.

* * *

Мокрых ветвей паутина,
Вьется листок, трепеща.
И Мандельштам-Буратино
Нюхает запах борща.

Пахнет едой из трактира,
Сумерки – как решето.
Два полевых командира
Резко садятся в авто.

Вывернутое наизнанку
Небо темней и темней,
И поворот на Солянку
Мечен дугою огней.

Скверик безлюдный и голый
Дождиком зябким облит.
Банка из-под кока-колы
Тускло в тумане блестит.

* * *

И снится тебе, что лежишь покорно
в долине под плавным изгибом дерна,
как шляпа, проглоченная удавом, —

а над тобой пасутся коровы,
и тянут ноздрями воздух здоровый,
и радуются полносочным травам.

И ты ощущаешь сдавленной грудью
их мясо-молочное многопудье
и терпишь — как суждено пьедесталу
терпеть предназначенного Арапа.

(А это лишь кошка, мягкая лапа,
ходит по твоему одеялу.)

* * *

Стихи мои, клочки, плоды безделья! —
напрасно я вас вымолил у Бога;
смотрю и вижу: мало в вас веселья
и горя настоящего не много.

О, если бы вам заново родиться,
чтоб стать на этом черном белом свете
игрушками, которыми в больнице
играют умирающие дети!

Бегство в Египет

В краю, где Ковш стоит торчком,
Как замахнувшийся сачком
Невидимый Для Глаз,
Кому все чтящие Коран
Твердят почтительно *шукран*,
Творя дневной намаз,

Там я, неведомый гяур,
Втянувшись в общий перекур,
У моря загорал —
И жмурился, как падишах,
Внимая, как гудит в ушах
Оранжевый кимвал;

И, чтя симметрии закон,
То льнул к земле, как махаон,
Лоскутик без пружин;
То вился, бился, трепетал —
И в мысль о смерти залетал,
Как бабочка в кувшин.

* * *

Поднял шишку и держу в руке
И дивлюсь необычайной шишке —
Где-то там — от дома вдалеке —
В райском лигурийском городишке.

Плакавший когда-то над Муму,
Разве знал я, как цветет агава?
Палочку найду и подыму —
Вот и будет скипетр и держава.

Приосанюсь, погляжу грозней —
Даже бровь насуплю, шутки ради...
Может, стану королем червей
При каком-то будущем раскладе.

На родине Эудженио Монтале

Я видел дом, где родился Монтале.
Из города зигзагом круто в гору
идет дорога. Место это в пору
тому, кто сделал свой сальто-мортале
из вечности — сюда.
Над самой кручей,
как крепость, возвышается палаццо.
Над ним лишь небо,
есть где разгуляться
орлу и ветру, молнии и туче.

Внизу — все, от чего, не видя блага,
его глаза навеки отвернулись:
толкучка мачт и генуэзских флагов,
торгашеская узость тесных улиц.

Вверху — пустого воздуха остуда,
донесшееся восклицанье птичье,
взлет сокола
и то, что выше чуда:
небес божественное безразличье.

Корсо Догали, Генуя

* * *

Тенью пробегает по стене,
Прячется, как ящерица, в щели...
Никогда не представляла мне
В юной пене, как у Боттичелли.

Как Афина, в шлеме и с копьем
Из моей главы не выходила;
На рассвете огненным перстом
Грозных слов на сводах не чертила.

В горной чаше, темной и глухой,
Путь не преграждала, как волчица;
На балу пренебрегала мной,
Да и не умел я волочиться.

Одного хватало мне вполне
Взгляда недоверчиво-родного...

Только ящерица на стене.
Только буквица в начале слова.

Памяти Друзиллы Тандзи

А для загорья мы изобрели
особый свист, чтоб узнавать друг друга.
Э. Монтале

в семьдесят лет женятся по любви
что было дальше
мушка сломала лапку
и умерла
сколько хочешь свисти зови
не досвистишься
легче сыскать булавку

в сердце
легче вынуть ее
бродит всю ночь
призрак под простынею
и качается хлопает высохшее белье
между соседским окном
и другой стеною

ветер ночной
с улиц сдувает сор
листья бумажки
все что цепляется слабо
за мостовую
вселенная катится как колесо
под гору
по колеям своим и ухабам

волнами ходит
холод сквозной с реки
время-аптекарь
что-то толчет в своей ступке

ножки твоей терпсихоры
слишком тонки
ручки и крылышки
слишком прозрачны и хрупки

ветер свистит в переулках
свистни и ты
может быть отзовется
какая-то искра
свистни не бойся
и до конца темноты
жди из-за двери балконной
ответного свиста

Закат в Больяско

Как достигший моря пилигрим,
лягу навзничь и сниму кроссовки.
Высоко под облаком седым
ангелы летают без страховки.

Вдоль скамеек пробегают псы,
публика пьет кофе на террасе.
Медленно качаются весы,
музыка поет о смертном часе.

Солнца шар все ниже над водой,
но лучи его, как прежде, ярки.
Слышен чей-то оклик молодой,
вдоль слоистых скал скользят байдарки.

Ветерок подул... Пора домой.
В октябре прохладные закаты.
Время не виновно, милый мой,
часики одни лишь виноваты.

Обронить их, что ли, где-нибудь,
положить на камень, на скамейку —
или в море с берега швырнуть,
как на счастье мелкую копейку?

Поэзия эпохи Сун

Поэзия эпохи Сун,
когда-то я ее любил.

Вечерний ветерок рябил
гладь озера. Дрожанье струн,

закат, роса на рукаве,
в руке прощальное вино,

отъезд в провинцию Юэ;
все это было так давно.

А ныне, что рукой ни тронь,
все это падает из рук.

В жаровне гаснущий огонь,
и циня дребезжащий звук.

— Поэзия эпохи Дзынь...

Песня о копейке

Земля зерниста,
Время позревает,
Все сложено из маленьких копеек.
Сливаясь и взрываясь, как граната,
Стихия сумм огромных
Бьет о берег.

Но если приглядеться,
В каждой капле
Воюет храбрый маленький копейщик.
Он одинок,
Он обречен, как Гамлет.
Под ветром епанча его трепещет.

Покуда миллиарды голиардов
Слагают оды
Жареной индейке,
Но ни один из гениальных бардов
Не сочинил нам
Песню о копейке, —

Я сам спою
О человечке смелом,
Об этом верном сердце тверже меди.
Он рубль бережет нам между делом,
Он скачет в бой,
Мечтая о победе.

Тростинкой
В змея скользкого потыкав,
Он сгинет, не угадан, не оплакан,

Сам – собственный свой долг,
И сам – свой выкуп,
И все свое, поставленное на кон.

Надлунный Банк
Его со счета спишет,
Не находя больших причин для грусти,
Лишь кто-то, торопясь домой, услышит
Негромкий звон
И взор к земле опустит.

Лишь тучка
Лик небесный затуманит
И дождичек побрызгает из лейки,
Да нищий в кабаке его помянет
И купит штоф вина
На полкопейки.

Урсула, или Торжество математики *Basilika St. Ursula, Köln*

Как собирается ныне царевна Урсула
Поклониться святыням в пределах восточных.
Вот, в пути притомясь, на лужайке уснула,
С ней — одиннадцать тысяч подруг непорочных.

Вдруг на ту же поляну из темного леса
Грозный гунн выезжает, свирепейший в гуннах.
Видит: спит на лужайке младая принцесса,
С нею множество дев, соблазнительно юных.

Сколько их? Царь считает: одна, две... четыре,
Пять, шесть, семь, восемь, девять... двенадцать, тринадцать...
Перебравшись за сотню, нетвердый в цифири
Любознательный гунн начинает сбиваться.

Чем он дальше считает, тем дольше заминки,
Взгляд скользит — ни зацепки ему, ни заметки;
Дамы как на подбор — все сплошные блондинки,
Ни одной среди них полноценной брюнетки.

Царь глядит равнодушно на бледные ноги,
Он считает; отныне любая девица —
Непорочная или не очень — в итоге
Для него ровным счетом одна единица.

День идет... сын степей обо всем забывает,
Он персты загибает, бубня себе что-то,
И, упав на траву, как дитя, засыпает.
Рядом спит его конь, утомившись от счета.

День проходит и ночь. Вместе с пташкою ранней
Нежный голос Урсулин звенит на рассвете,

И одиннадцать тысяч прелестных созданий,
Пробудясь, продолжают свой путь по планете.

Вот он – дух математики, веющий всюду,
Утешение наше, надежда и крепость;
Он преградой встает злу, насилью и блуду
И шутя побеждает Атиллы свирепость.

Сосчитаешь до двух – марширует служивый,
Скажешь пять – погулять себе зайчик выходит,
Сорок тысяч – и Гамлет, гордец нечестивый,
Над разверстой могилой шумит, колобродит...

Вот и славно, Урсула! Не станешь святою,
Так живою останешься – тоже неплохо.
Бог одарит не мудростью, так простотою,
А не то красотой. Не печалься, дуреха!

Я наемни в таверне твоей рядом с храмом
Заказал «рай земной» – знаешь местное блюдо?
Захотелось побыть хоть немного Адамом.
План сорвался. Но все обошлось – тоже чудо.

Любопытство нас водит, как леший по дебрям,
Мы билетом в балет прикрываем зевоу
И в музеях до зала последнего терпим,
В дальних странствиях не умудрясь ни на йоту.

Слишком много всего – городов, гобеленов,
Мелких мошек на набережной возле Рейна,
В ярких окнах – похожих на жизнь манекенов,
Толп несметных, глазающих благоговейно...

Оттого ввечеру, расплатившись с таксистом,
Я гляжу, как безумный, на окна Урсулы
И ее вызываю разбойничьим свистом,
Грубый гунн! Но она не идет на посулы.

Памятник легионеру

Grabbau des legionärs Lucius Poblicius

Честный Луций, что жил до меня когда-то,
О счастливейший из мертвецов Публиций!
Ты потратил все жалованье солдата
На свою гробницу. Есть чем гордиться:
Велика эта честь — велика и плата.

В легионе своем не последний воин,
Ветеран сражений, а не коммерций,
От начальства ты почестей не удостоен;
Сам отдай двенадцать тысяч сестерций
Камнерезам — и умирай, спокоен.

Цоколь мощный, портик и колоннада.
Ты взираешь сверху, как царь с балкона.
Безмятежный. Ведающий, как надо.
По бокам — дочь любимая и матрона.
Безголовые обе — вот в чем досада.

Говоришь ты: «Отдай свой последний грошик,
Напряги все силы свои, все жилки,
Наипаче — сыщи мастеров хороших;
Не жалея ничего для своей могилки,
Не завидуй счастью бездомных кошек».

Мюнхенскому муравью

Я наклонился завязать шнурок.

И вдруг у ног открылся мне мирок,
несущийся куда-то с жуткой прытью;
как беженцы, спешащие к отплытью
последнего эсминца,

муравьи
бежали, подхватив тюки свои,
в каком-то неизвестном направленьи...
Я замер, глядя в праздном изумленьи
на малых сих, спешащих что есть сил
к далеким миражам.

Потом спросил
у одного из них, что мчался с краю:
— Куда бежишь ты?
— Юность догоняю, —
ответил муравьишка
и исчез.

Я выпрямился. На меня с небес
высокий Аполлон, склонясь над лесом,
взирал —
по сути, с тем же интересом.

Летрилья о каталонском лете и гусях Святой Евлалии

Красавицы Барселоны
должны прикрывать свои плечи
в двух случаях, и это строго:
на улице в жгучий полдень
и в храме, в жилище Бога.

Недаром плечи испанки
под кружевной мантильей
белее, чем белый парус
плывущей в море флотилии.

Когда идет она в церковь,
похожая на гитану,
мужчины бросают взоры,
как жадный кот на сметану.

А в церкви святой Евлальи
прохладные галереи,
и гуси в дворике райском
от тишины одурели.

Когда, отпрянув несильно,
она глядит исподлобья,
белей, чем тело гусыни,
во мраке руки и бедра.

Безумней, чем полнолуние,
во мраке мои мечтанья
на площади Каталунья,
на яркой Плаза д'Эспанья.

И зыбкие очертанья,
пригрезившиеся формы
как облако отплывают
и как состав от платформы,

и как земля уплывает
и исчезает из вида —
в последнюю ночь отлета
из Лондона, из Мадрида...

Летрилья о материнских крыльях

Крылышки матерей,
трепетные всегда.
Как далеко, птенец,
ни улетел ты прочь,
будь ты учен-перчен
и голова седа,
крылышки матерей
рвутся тебе помочь.

Чувствую на лице
маленький ветерок,
словно бы мотылек
дрогнул и повернул
маленький флюгерок,
словно на кожу щек
ласковый холодок,
как на ожог, подул.

— Крылышки матерей,
полно вам трепетать!
Вы оттрубили век,
выслужили покой.
— Прежде (они в ответ)
перестанут мерцать
звезды на небесах,
волны в дали морской.

— Звезды на небесах!
Волны в дали морской!
Робкие огоньки
среди ночных полей!
Ах, не дрожите так!
Пусть обретут покой
ветхие, как печаль,
крылышки матерей.

Чертов палец

Вновь я ступлю босиком в этот прохладный, прозрачный
Чистый детства ручей и по гальке пойду разноцветной
Вглубь галереи зеленой, под арку сквозную деревьев,
Кроны сомкнувших неплотно, чтобы в просветы и щели
Солнце могло проникать и копьём золотым прикасаться
К влажной коже ручья и высвечивать донные клады.
Там, в драгоценной мозаике, розовой и синеватой,
Я отыщу чертов палец желто-янтарного цвета,
Гладкий и круглый — из всех вождельных сокровищ ребячьих
Самое редкое; в нем хоронилась какая-то тайна —
Жуткая, мерзкая, вроде ноги костяной, но при этом —
Что-то от века сужденное и золотое, как солнце.
Было отрадно и страшно таскать его всюду в кармане,
Пальцами тайно лаская, и знать его скрытую силу.
Чертов палец! И впрямь это было — как с чертом спознаться.
О амулет окаянный! Власть или плен — непонятно.
Перст указующий, перст грозящий и путь закоснелый
Предков, уступка и воля, упорство и чуждая воля!
Был я только листком, уносимым волной по течению,
В дни, когда босиком по щиколотку в холодящих
Струях ручья бродил я по гальке, по солнечным пятнам;
Путь под зелеными арками мнился тогда бесконечным,
Сумрак и вспышки лучей — сроднившимися навеки,
Тихо журчавший поток — неизменно и вечно текущим, —
Вплоть до мгновенья, когда я заметил в воде и, нагнувшись,
Поднял камешек круглый и длинный, внезапно в ладони
Странно толкнувшийся, как пескарлик речной, — чертов палец!

Книга

Над вымыслом слезами обольюсь...

дочитал
придуманную судьбу

схоронил
никогда не живших людей

как будто заглянул
в колодец
собственных слез

там что-то блестит
на дне

но далеко

Двери Тимура

Они стояли, как стражники, перед дверями Тимура
с копьями, луками и колчанами за плечами,
самые верные, самые стойкие в мире стражи.
Могучие ли? Высота дверей скрадывала их богатырство,
но если приглядеться, один из них совсем коротышка,
угловатый и щуплый, как отрок. Другой немного повыше
и, казалось, мягче очерчен природой. Впрочем, об этом
можно было лишь догадываться. Пока они там стояли
перед дверями, правитель знал, что смерть не ворвется
в эти двери, он мог пировать, наслаждаться игрою в шахи,
ласками жен и благоуханным кальяном,
ибо знал: царство его под надежной охраной и смерть
не войдет, пока двое несут свою стражу — оба в шапках
и широких халатах, стоящие прямо и твердо.
И вовсе не важно, что один из них выше другого,
и не важно, смогли бы они или нет натянуть свои луки:
ибо знали враги сего царства, что оно неприступно,
пока охраняемо этими верными насмерть —
сероглазым стражем, похожим на отрока, и кареглазым.

Примечания

На берегах реки Увы (1990–1994)

Песня о несчастной королеве Анне Болейн...

- 6 Стихотворение вошло в книгу «Лекарство от Фортуны. Поэты при дворе Генриха VIII, Елизаветы Английской и короля Иакова» (2002).

Они-сва ки-маль-и-пансы... (Honi soi qui mal y pence) – «Стыдно тому, кто плохо об этом подумает» (*иск. фр.*), девиз Ордена Подвязки, до сих пор красующийся на английском гербе.

Уолтер Рэли в темнице

- 8 Сэр *Уолтер Рэли* (1552–1618) – поэт, ученый, мореплаватель, фаворит Елизаветы; после смерти королевы был арестован и приговорен к смерти. Десять лет провел в Тауэре, ожидая исполнения приговора. В 1616 году добился у короля Иакова разрешения плыть в Гвиану, чтобы сыскать там золотой край Эльдорадо, но не добился успеха и по возвращении из экспедиции был казнен.

В волнах шатался Жребий... – «Жребий» или «Судьба» (*Destiny*) – название корабля, на котором Рэли совершил свое последнее плавание.

В ярости пыхну трубкой / И за перо хватаюсь... – Рэли был одним из первых заядлых табакуров в Англии; в Тауэре он писал «Историю мира», первый том которой был опубликован в 1613 году.

Тотнесская крепость

- 9 Эпиграф: «Уникальной делает Тотнесскую крепость тот факт, что ее никогда не штурмовали» (*англ.*).

Жизнь открывается снова

- 10 В этом стихотворении снова фигурирует сэр Уолтер Рэли (в другом произведении «Роли»), но во время своей предыдущей отсидки в Тауэре. Незабываемый 1593 год – начало последнего десятилетия царствования Елизаветы, заря драматургической карьеры Шекспира.

...пишет из Тауэра отчаянное письмо... – Заключенный в Тауэр за тайный брак с королевской фрейлиной, Уолтер Рэли сочинил поэму «Океан к Цинтии».

Следует учесть, что «сэр Вода» (*Sir Water*) было прозвищем, которым его называла королева, а «Цинтия» (богиня Луны) — общепринятым аллегорическим именем самой Елизаветы.

...какие бы он ни примеривал роли — от пастушка / до Леандра... — В своей поэме Рэли сравнивает себя с пастушком, чья флейта разбита, и с Леандром, гибнущим в волнах Геллеспонта.

Томас Кид (1558–1594) — драматург, автор знаменитой пьесы «Испанская трагедия», а также ранней (утраченной) версии «Гамлета». Был арестован по подозрению в атеизме, провел год в тюрьме, откуда вышел сломленным и больным человеком, и вскоре умер.

Кристофер (Кристофер) Марло (1564–1593) — выдающийся драматург и поэт. Как полагают историки, был связан с секретной службой. Убит в пригороде Лондона при загадочных обстоятельствах.

Томас Вальсингам — племянник Фрэнсиса Вальсингама, шефа секретной полиции Елизаветы; университетский друг Кристофера Марло. В 1593 году во время эпидемии чумы Марло несколько недель гостил в его имении перед тем, как был срочно вызван в Лондон для дачи показаний. Фамилия Вальсингама вкупе с этими обстоятельствами неизбежно приводит на ум пушкинский «Пир во время чумы».

«*Дидона*» — трагедия Марло, последний акт которой дописан Томасом Нэшем.

История о Леандре — поэма Марло «Геро и Леандр», законченная Джорджем Чапменом.

...какими словами горбун соблазнит вдову... — Имеется в виду знаменитая сцена из трагедии Шекспира «Ричард III» (1593?), в которой злодей и узурпатор Глостер обольщает леди Анну, вдову убитого им принца Эдуарда.

Возлюбленные поэтов

Эти три стихотворения трактуют различные парадигмы любви в поэзии: у Донна — расставание, у Китса — сон, у Йейтса — танец.

- 12 *Since I die daily, daily mourn* — Поскольку я умираю ежедневно, ежедневно скорби (англ.).

Приди, Мадонна, озари мой мрак! — Надпись на известном портрете Донна в образе влюбленного, погруженного в сумрак меланхолии: *illumina tenebras nostras Domina* («Озари нашу тьму, Госпожа»).

- 13 *...the blisses of her dream so pure and deep...* — блаженство ее сна, столь чистого и глубокого (англ.).

Ты спишь – и спит дракон тысячеюкий / Дневных забот — Ср.: «И видя, что столпавый мир-дракон / Уснул...» (из сонета Китса «Сон над книгой Данте»).

Назвать тебя Психеей, Маделиной... — Имеются в виду «Ода Психее» и поэма «Канун Святой Агнессы», героиня которой Маделина в чудесном сне обретает своего жениха.

- 14 *How can we know the dancer from the dance?* — «Как различить, где танец, где плясунья?» (англ.). Из стихотворения Йейтса «Среди школьников».

Песня межевого камня

- 16 *Кадм* — легендарный царь Фив. По преданию, заимствовал у финикийцев буквы, легшие в основу греческого (а следовательно, и славянского) алфавита.

Republique de Ouva

- 18 Никакой республики Увы, конечно, не существует. Зато существовала в 1930-х годах «республика Тува», для каких-то политических причин образованная большевиками между Россией и Монголией (впоследствии Тувинская автономная область). Это «государство», независимое только на бумаге, выпускало марки, популярные у филателистов.

Тень

- 21 Эпиграф: из элегии Донна «Портрет».

Дарю лишь тень, но снизойди к даренью:
Ведь я умру — и тень сольется с тенью.

Дерево перебора

- 22 *Дерево перебора вариантов* — важное понятие в кибернетике, теории игр и т. д. Всюду, где имеется проблема выбора, дерево перебора позволяет наглядно представить всю совокупность возможностей, лежащих перед выбирающим.

Эрев — то же, что Эреб (царство мрака).

Строки, написанные в Вашингтоне

- 26 *Кто десять лет назад, фрезвясь, писал в конце / Элегии «Духи» о бдительном отце... — «Духи» или «Аромат» — элегия Донна, которой посвящено эссе «Аромат Донна и нюх лорда Берли» (в книге «Лекарство от Фортуны»). Речь идет о влюбленных, за которыми шпионят бдительные домашние: мать, отец, бра-тишка и слуги.*

Незадача с одним неизвестным

- 28 Сочинено перед отъездом в Нью-Йорк.
Из рулонов такой Вавилон построив, / Словно тут переклейка глядет обоев — аллюзия на строки: «Вспоминанье предо мной / Свой длинный развевает свиток».

Назвался Одиссеем (1995–1998)

Из Джона Донна

- 36 Сокращенный перевод послания Джона Донна «Генри Гудьеру, побуждая его отправиться путешествовать за границу».

Ричард II

- 42 Стихотворение с кольцевой композицией. Носовой платок, в начале — атрибут цивилизации с основной функцией «облегчения носов», в заключительных строках интерпретируется как инструмент мнемотехники (завязывание узелка на память). Мнемозина же есть родительница Муз.

Три стихотворения о Боезции

- 46 *И побеждавшим персов, как Горацій... —* Какого Горация имеет в виду автор, не вполне понятно. Если Горация Флакка, то он, как известно из его собственных стихов, бежал с поля боя, бросив копьё и щит.

Нам, вкладывавшим Рака в руку Грека / и поздравлявших Эллина с Уловом... — По-видимому, намек на трудности введения христианства на Руси (рак — символ попятного стремления к язычеству).

Искавшим в Сараваке человека, / дружившего в Париже с Гумилевым... — Возможно, речь идет о полковнике Чарторыйском, губернаторе Саравака в 1925–1929 годах. Дружил ли он с Гумилевым, неизвестно.

Раз философией слабо согреться... — Температура замерзания ртути равна -39° , спирта -112° . Температура замерзания философии до сих пор не установлена.

Бозций женился и умер... — Согласно позднейшей средневековой легенде, пересказанной Гете, философ умер на пожалованном ему Теодорихом Западно-восточном диване.

Уоллес Стивенс, или О назначении поэта

49 *Уоллес Стивенс* (1875–1955) — американский поэт. Работал в страховом бизнесе.

Томас Чаттертон (1752–1770) — английский поэт, покончивший жизнь самоубийством от беспросветной нищеты.

Один едет торговать в Африку... — Артур Рембо (1854–1891), в двадцать лет закончивший свою поэтическую карьеру. В Африку он поехал, чтобы разбогатеть.

Другой / Покупает по случаю в Ростове пальто — Осип Мандельштам (см. рассказ «Шуба»).

Принцесса Бадрульбадур — из стихотворения Стивенса «Черви у небесных ворот».

Пальма на краю света... — аллюзия на стихотворение Стивенса «О сущем и вещем» (*Of Mere Being*):

Пальма на самом краю сознания,
Там, где кончается мысль, возносит
В воздух — свои узоры из бронзы...

Камень, или Третий анекдот о Уоллесе Стивенсе

54 У Стивенса есть стихотворение «Камень» (*The Rock*). Я долго примеривался, как его перевести, но в какой-то момент взял и вместо этого сочинил собственное стихотворение.

«...этих мест, где ныне тоска запустенья...» — Из поэмы Кита «Падение Гипериона».

...пришлось бы объяснять Эли, что он делал в пагоде... — Аллюзия на стихотворение Стивенса «Желание предаться любви в пагоде».

Испанские галлюцинации и другие стихи, написанные в Вермонте

- 56 Эти «галлюцинации» (данные здесь в сокращении) написаны по мотивам цикла Федерико Гарсиа Лорки «*Poemas de la soledad en Vermont*» — «Стихи об одиночестве в Вермонте» (исп.). Он, как и «Стихи об одиночестве в Колумбийском университете», входит в книгу «Поэт в Нью-Йорке», написанную во время его учебы в Колумбийском университете с июня 1929-го по март 1930 года.

Вдогон ее улыбке (1999–2000)

Визит молодого поэта

- 81 *Если б знал, куда лошадь впрягают...* — Известный анекдот про даму, слушавшую объяснения Джефферсона об устройстве паровоза. «Очень интересно, сэръ; только я не совсем поняла: куда тут впрягают лошадь?»

Post Dictum

- 84 *Post Dictum* — «После сказанного» (лат.).
Odor rosarum manet in manu etsiam rosa submota — «Запах розы остается на ладони, даже если роза отброшена» (лат.).

«Она умела кричать, как ворона: „Каррр!“...»

- 85 *Как в «Принце и нищем», она стаскивала чулки...* — В романе Марка Твена на суд к юному королю Эдуарду VII (на самом деле его двойнику — нищему Тому) приводят двух женщин, обвиняемых в колдовстве: они якобы стаскивали с себя чулки, чтобы вызвать разрушительную бурю. Мальчик потребовал, чтобы они показали перед ним, как это делается, обещая их помиловать; а когда они не смогли сотворить колдовство даже ради спасения своих жизней, полностью их оправдал.

Вольтер

- 86 По известной скульптуре Гудона: дряхлый Вольтер в кресле, удивительно похожий на ведьму в ступке — только помела не хватает.

Путешествие (2001–2003)

Баллада о том, как синьор кабальеро Вилли Кемп... протанцевал за девять дней от Лондона до Нориджа

- 106 История комического актера шекспировского театра Вилли Кемпа и его достославного перепляса из Лондона в Норидж подробно описана в моей книге «Лекарство от Фортуны».

Поридж — овсяная каша.

Норидж (обычная транскрипция — Норвич) — по-английски рифмуется с пориджем. Столица графства Норфолк, расположен к северо-востоку от Лондона.

«А этот человечек с хвостиком...»

- 121 *Монах с котомкою* — Косьма Индикоплов, средневековый монах и путешественник. Гравюра с изображением Косьмы, просовывающего голову «за край света», помещалась во всех старых учебниках географии.

Черный ангел

- 122 Из книги Эдженио Монтале *Satura*, посвященной памяти Друзиллы Тандзи, скончавшейся 20 октября 1963 года.

Бирнамский лес (2004–2007)

Прощание Белого Рыцаря с Алисой

- 127 *Секунда* — Алиса Лидделл, которой Льюис Кэрролл посвятил «Алису в Стране Чудес». Он назвал трех сестер Лидделл по старшинству *Una, Secunda, Tertia*, т. е. Первая, Вторая, Третья (*лат.*). Алиса была второй.

Не я ль тебя учил как мертвая стоять... — Льюис Кэрролл был одним из первых английских фотографов, снимавших еще на стеклянную пластинку. До нас дошло около десяти его фотопортретов Алисы. В те времена экспозиция снимка длилась обычно от полминуты и больше.

Бирнамский лес

- 131 *Когда Бирнамский лес пойдет на Дунсинан* – слова пророчества, обещавшего королю Макбету безопасность до тех пор, пока на него не двинется лес, росший по соседству с его замком.

В защиту музыки

- 139 Название – аллюзия на название раздела «Против музыки» в первой книге Льва Лосева «Тайный советник» (1985).

Гранд-канал утром

- 158 Это и последующие четыре стихотворения написаны в Дублине.

Эпиграф из лимерика:

Жил-был старичок у канала,
Всю жизнь ожидавший сигнала.
Он часто в канал
Свой нос окунал,
И это его доконало.

Дивлюсь на мемориал Йейтса в парке

- 159 Мемориал (монумент) Йейтса в парке Стивенс-Грин выполнен из бронзы Генри Муром и воздвигнут в 1967 году.

Философия деревьев

- 160 *Одни деревья, словно Аристотель, указывают сдержанно на землю...* – имеется в виду фреска Рафаэля «Афинская школа».

Вечер поэзии в Тринити-колледже

- 162 *Филид* (file) – поэт и мудрец в древней Ирландии.

Кулибин

- 171 *Стопоходящая машина* – изобретение Ивана Кулибина (1735–1818).

Поклон Эвклиду (2008–2010)

Errur si muove

- 181 Название: «И все-таки она вертится» (*итал.*).

«Мокрых ветвей паутина...»

- 183 *Мандельштам-Буратино* — памятник Осипу Мандельштаму на улице Забелина в Москве.

Бегство в Египет

- 186 *Шукран* — «спасибо» (*араб.*).

На родине Эудженио Монтале

- 188 *Небес божественное безразличье* — цитата из Э. Монтале: «*Bene non seppi; fuori del prodigio / che schiude la divina Indifferenza...*» «Блага на земле я не знал, за исключением чуда, которое открывает нам безразличье небес...» (*итал.*).

Памяти Друзиллы Тандзи

- 190 *Друзилла Тандзи* — многолетняя подруга Эудженио Монтале. Их брак был зарегистрирован лишь в 1966 году, когда Монтале было 67 лет.

Поэзия эпохи Сун

- 193 *Провинция Юэ* — Иероглиф «юэ» имеет много значений в китайском языке в зависимости от того, как он пишется. Среди возможных значений — вершина, луна, счастливый, говорить, флейта, музыка; а также древнее царство Юэ на месте нынешней провинции Чжэцзян.

Урсула, или Торжество математики

- 196 *Basilika St. Ursula, Köln* — церковь Святой Урсулы, Кёльн (*нем.*).

Заказал «рай земной»... — Это блюдо называется *Himmel im Aed*, «небо на земле» (*нем. диал.*).

Памятник легионеру

- 198 *Grabbau des legionärs Lucius Poblicius* – гробница легионера Луция Публиция (в Романо-Германском музее).

Двери Тимура

- 206 По картине В. Верещагина «Двери Тимура» (Третьяковская галерея).

Содержание

На берегах реки Увы (1990–1994)

«Я буду помнить тебя...»	5
Песня о несчастной королеве Анне Болейн.....	6
Уолтер Рэли в темнице.....	8
Тотнесская крепость.....	9
Жизнь открывается снова.....	10
Возлюбленные поэтов	
Расставание.....	12
Спящая.....	13
Танцующая девушка	14
Песня межевого камня	16
Republique de Ouva	18
«Все то, что мы выдыхаем в холодный день...»	20
Тень	21
Дерево перебора.....	22
Начало романа	24
Ворон.....	25
Строки, написанные в Вашингтоне	26
Незадача с одним неизвестным	28
Бумеранг.....	30
Банька в Михайловском	31
Скамья в Тригорском	32

Назвался Одиссеем (1995–1998)

Другая планета.....	35
Из Джона Донна	36
Назвался Одиссеем.....	38
«А если заскучаешь, позвони...»	40
«Полуполоманная судьба...»	41
Ричард II.....	42
Гобелен	43
Сон о Польше	44

Три стихотворения о Боэции	
1. Автор уговаривает Боэция не грустить	46
2. Утешение философией	47
3. Тайна истолкования.....	47
Уоллес Стивенс, или О назначении поэта.....	49
Перелетная рука	50
Jamais, jamais	53
Камень, или Третий анекдот о Уоллесе Стивенсе.....	54
Испанские галлюцинации и другие стихи, написанные в Вермонте	
Вступление	56
Пейзаж с двумя могилами и ассирийской собакой.....	58
Песни потерпевшего кораблекрушение	59
Заброшенный дом.....	62
Песни заблудившегося в пустыне	64
Маленький венский вальс	66
Еще одна бродячая скрипка	68
Где было сладко там больно	70
Бронкс	72
«Память – летучая мышь...»	74

Вдогон ее улыбке (1999–2000)

Все изменяется, кроме палочки от эскимо	77
Вдогон ее улыбке	78
Старик	80
Визит молодого поэта.....	81
Куст малины в Вермонте	82
Ночью на шоссе	83
Post Dictum	84
«Она умела кричать, как ворона: „Каррр!“ ..»	85
Вольгер.....	86
В цирке	87
«Как отрока в семнадцать лет...».....	88
«От бабы требовать того же, что от Бога...»	89
Укладчик №17	90
Услуги.....	91
Под шарманку дождя.....	92
Дерево	93
Сыну.....	94

С ирландского	95
«Сменка», глобус и перепутанные шнуры	96
Баллада о капустном пироге	98
Черноморский бульвар.....	101
Пушкин-1999	102

Путешествие (2001–2003)

Путешествие.....	105
Баллада о том, как синьор кабальеро Вилли Кемп протанцевал за девять дней от Лондона до Нориджа	106
«Мухи одиночества жужжат...»	109
«Наступает это время...»	110
Глядя на черную метку	111
Два сна.....	112
Отблески	
«Прозрачная...»	114
«Ищу тебя вечерами...»	114
«Крестьянин режет хлеб и режет сыр...»	115
«У тебя в глазах живет снежинка...»	115
«Голова лежала на плече...».....	116
Благовещение.....	117
«Глаза твои колкие как колосья...»	118
Январь	119
«Снова небо вспомнил я ирландское...»	120
«А этот человечек с хвостиком...»	121
Черный ангел.....	122
Гамлет-2001	124

Бирнамский лес (2004–2007)

Прощание Белого Рыцаря с Алисой.....	127
«Что может быть естественней скульптуры...»	128
Одинокий.....	129
Маятник	130
Бирнамский лес	131
На рассвете	132
«Ты из глины, мой хрупкий подросток...»	133
Сказка	134
Олово.....	135

Двойная флейта.....	136
«Я столько умирал и снова воскресал...»	138
В защиту музыки	139
Смерть в Нью-Джерси	140
Дуб над Гудзоном.....	141
Внук.....	142
Слова.....	143
Старая песня, пропетая вновь.....	144
Художник.....	145
Королева Маб.....	146
Шлюз	148
Лебедь.....	149
«Снег заменяет горожанам горы...»	150
В переулке	151
Ломаный сонет	152
«Слуги Черного Квадрата...»	153
Рождество в городе	154
Отпевание.....	155
Невидимка	156
Малтус.....	157
Гранд-канал утром.....	158
Дивлюсь на мемориал Йейтса в парке	159
Философия деревьев.....	160
Зачарованный сад.....	161
Вечер поэзии в Тринити-колледже.....	162
«А вы все те же, братья египтяне...»	163
Левконая.....	164
Персей.....	165
Дух жизни	166
Лунное	168
На переход Суворова через Альпы.....	170
Кулибин.....	171
Табакерка.....	172
Инструкция по выживанию.....	173
Беременный ангел.....	174
«Привет вам, новые ворота!...».....	176

Поклон Эвклиду (2008–2010)

О летающих трапециях	179
«Шершавая весна...»	180

Erpur si muove.....	181
«Бетономешалка под самым окном...»	182
«Мокрых ветвей паутина...»	183
«И снится тебе, что лежишь покорно...»	184
«Стихи мои, клочки, плоды безделья!...»	185
Бегство в Египет	186
«Поднял шишку и держу в руке...»	187
На родине Эудженио Монтале	188
«Тенью пробегает по стене...»	189
Памяти Друзиллы Тандзи.....	190
Закат в Больяско	192
Поэзия эпохи Сун	193
Песня о копейке.....	194
Урсула, или Торжество математики.....	196
Памятник легионеру	198
Мюнхенскому муравью	199
Летрилья о каталонском лете и гусях Святой Евлалии	200
Летрилья о материнских крыльях	202
Чертов палец.....	204
Книга	205
Двери Тимура	206
Примечания.....	209

Григорий Михайлович Кружков
Двойная флейта

верстка: Дарья Кружкова

художественный редактор: Сергей Труханов

технический редактор: Ольга Нечаева

корректор: Соня Кобринская

Издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru, alkonost.mail@gmail.com

ООО «Арт Хаус медиа»

125047 Москва, ул. 3-я Тверская-Ямская, д. 21/23, кв. 26

Заказать книги издательства можно на сайтах:

<http://www.ahm.ru>, <http://www.labyrinth.ru>

и по телефону: +7 (926) 737-84-06

Формат 60x90¹/₁₆

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в:

ГУП «Псковская областная типография»

180007, г. Псков, Рижский пр., д. 17

www.obltp.pskov.ru

e-mail: print@obltp.pskov.ru

Flauto doppio

Григорий Кружков — поэт, переводчик и эссеист,
лауреат ряда литературных премий,
автор многих переводных и литературоведческих книг,
в том числе «Ностальгия обелисков», «Лекарство
от Фортуны», «Пироскаф: Из английской поэзии
XIX века» и «У.Б. Йейтс: исследования и переводы»,
а также нескольких сборников стихов.

В эту книгу вошли его избранные
и новые стихотворения.

